

Старец Пансий Святотгорец

СВЯТОЙ АРСЕНИЙ
КАППАДОКИЙСКИЙ

МОНАСТЫРЬ СВЯТОГО АПОСТОЛА И ЕВАНГЕЛИСТА
ИОАННА БОГОСЛОВА
Суроти. Салоники

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГИЕВА ЛАВРА
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ "СВЯТАЯ ГОРА"
Москва
2008

Annotation

Книга посвящена житию и чудесам одного из самых замечательных святых последнего времени — греческого подвижника преподобного Арсения Каппадокийского († 1924; пам. 28 октября/10 ноября). Автор — известный на Афоне Старец Паисий († 1994), написавший несколько книг о подвижниках, с которыми Господь благословил ему встречаться в жизни. Отец Паисий был крещён преподобным Арсением и получил от него имя Арсения, кроме того, преподобный предсказал ему монашеский путь.

Перевод книги выполнен с 25-го греческого издания Издательским Домом «Святая Гора» с разрешения Иоанно-Богословского монастыря в Суроти (Фессалоники).

- [СТАРЕЦ ПАИСИЙ СВЯТОГОРЕЦ](#)

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

- [ТРОПАРЬ,](#)
- [КОНДАК,](#)
- [ВЕЛИЧАНИЕ](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)

- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)

СТАРЕЦ ПАИСИЙ СВЯТОГОРЕЦ

**СВЯТОЙ АРСЕНИЙ
КАППАДОКИЙСКИЙ**

перевод с греческого

**ДЕЯНИЕ
ПАТРИАРХА И СВЯЩЕННОГО СИНОДА
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХАТА
О ПРИЧИСЛЕНИИ К ЛИКУ СВЯТЫХ
ИЕРОМОНАХА АРСЕНИЯ КАППАДОКИЙСКОГО**

ДИМИТРИЙ I
МИЛОСТИЮ БОЖИЕЙ АРХИЕПИСКОП КОНСТАНТИНОПОЛЯ —
НОВОГО РИМА И ВСЕЛЕНСКИЙ ПАТРИАРХ

ПРОТОКОЛ № 112

Святой Христовой Церкви подобает во веки славить и почитать во всяком благочестии песньми и величаниями тех, кто показал преподобническое и святое житие в сей жизни, кто истоцил себя словом и делом в служении и любви к ближнему, кто засвидетельствован от Бога знаменами и чудесами в сей жизни и по преселении из неё, и призывать ко Всеблагому Богу благоугодное их ходатайство об оставлении грехов и исцелении больных.

Такое житие показал и происходивший из Фарас Каппадокийских иеромонах Арсений, прозываемый Каппадокийским, в юношеском возрасте сопричтённый к монахам святой обители Честного Предтечи в Кесарии (Зиндзи-Дере) и воспринявший в ней благодать священства, последовавший во смирении сердца призывавшему гласу Церкви, принесший в жертву уединённое в подвиге житие.

Более пятидесяти лет он пребывал в Фарасах, освящая, научая и укрепляя в вере и отеческом благочестии православный народ, проживавший в той отдалённой местности, за которым, будучи восьмидесятилетним старцем, последовал при исходе с родной земли. Он отошёл ко Господу на острове Керкира 10 ноября^[1] 1924 года.

Наша мерность вкупе со священнейшими и пречестными митрополитами нашими, во Святом Духе возлюбленными нашими братьями и сослужителями, на основании присланных Элладской Церковью нам материалов и соответствующего доклада церковно-

канонической комиссии, удостоверившись в святости жития и кончины преподобного иеромонаха Арсения Каппадокийского после Соборного обсуждения рассудила, последуя общему обычаю Церкви, воздать и ему почесть, подобающую священным мужам.

Посему определяем соборне, утверждаем и повелеваем в Духе Святом, дабы отныне и впредь во веки веков преподобный иеромонах Арсений Каппадокийский был сопричислен к преподобным и святым мужам Церкви, почитаем верующими и песнями хвалебными восхваляем 10-го числа месяца ноября, в день, когда он преставился ко Господу.

В указание и свидетельство сему и составлено патриаршее и синодальное деяние наше, подготовленное со вниманием и подписанное в Кодексе нашей Святой и Великой Церкви Христовой, точная же его копия направлена священнейшему митрополиту Кассандрийскому Синесию для хранения в архивах священной его митрополии.

11 февраля лета нашего Спасителя 1986.

Девятым Определением

† Патриарх Константинопольский Димитрий утверждает

† Максим Сардский

† Иероним Родопольский

† Максим Ставропольский

† Хризостом Мирский

† Гавриил Колонийский

† Евангел Пергский

† Каллиник Листрский

† Константин Деркский

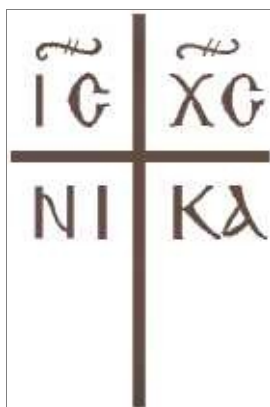
† Афанасий Эленупольский

† Иоаким Мелитинский

† Варфоломей Филадельфийский

*Первая икона святого Арсения.
Написана в монастыре Суроти под руководством
блаженного Старца Паисия*

ВВЕДЕНИЕ

Я чувствую великий долг перед отцом Арсением за то, что он сам крестил меня и в крещении нарёк своим именем, и за его книги, сохранённые старым Продромосом Корциноглу (сыном Хаджициниса), на которых я вырос.

Однако главной книгой для меня был сам Продромос. Он был поистине живой книгой об отце Арсении, сохранив в своей чистой памяти множество воспоминаний о его святой жизни. Этот старец имел великое счастье — так как был псаломщиком и постоянным спутником отца Арсения — знать о нём очень многое. Кроме того что он сам многое видел своими глазами, ещё и сам отец Арсений рассказывал ему разные случаи из своей жизни. Так что когда я заходил к Продромосу, с которым мы были соседями, он обязательно мне что-нибудь рассказывал об отце Арсении, а я, движимый детским любопытством, то и дело задавал ему разные вопросы. Тогда я был маленьким, а потому слова его легко отпечатывались в моём ещё чистом сердце, не тронутым чёрствостью.

Когда позднее Промыслом Божиим в 1958 году, уже будучи монахом, я опять оказался в Конице, в монастыре Стомион, то интерес мой к отцу Арсению вырос ещё больше. Как и прежде, я приходил к Продромосу и всё расспрашивал. Благочестивому старцу исполнилось уже девяносто лет, но он был неутомим и всегда охотно рассказывал.

Можно было бы узнать больше об отце Арсении, но тогда у меня и в мыслях не было собирать материалы для его жития. Знал ли я, что отец Арсений и после кончины будет являть знамения и чудеса, как являют святые? Тогда, в 1958 году, мощи его покоились на кладбище острова Керкира (Корфу), а на могиле лежала каменная плита, на которой было выгравировано его имя.

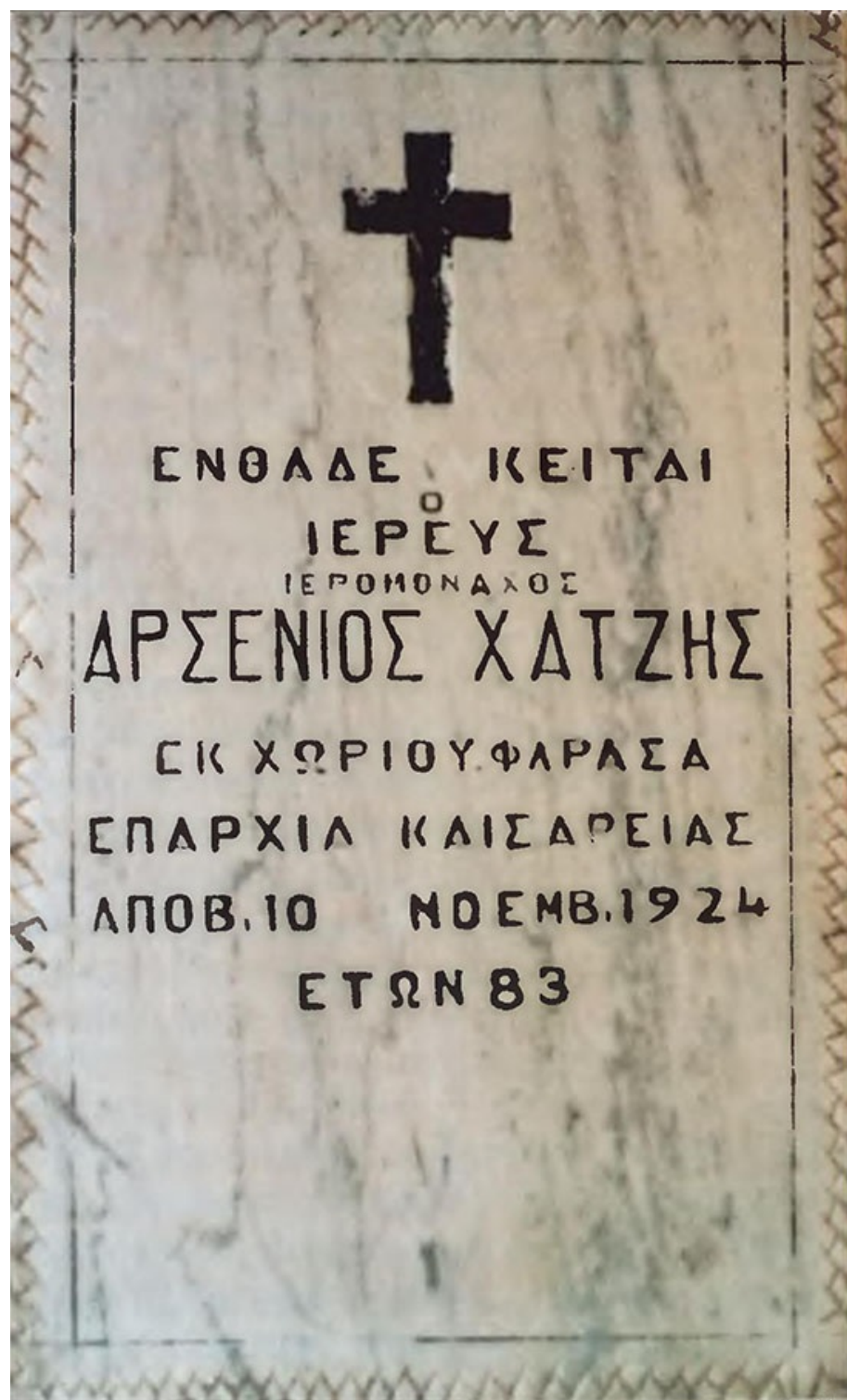
Многие из наших односельчан думали, что мощи отца Арсения нетленны, как и мощи многих других святых, а потому по благоговению не дерзали открывать могилу. Да людям было и невозможно собраться вместе, чтобы сообща подумать об обретении мощей, потому что жители Фарас, по пророчеству отца Арсения, рассеялись по всей Греции. Ещё до обмена населением^[2] он говорил: «Когда мы поедем в Грецию, то жители нашего села окажутся разбросанными по разным её концам. Будет суцая неразбериха». А о себе говорил: «Я проживу в Греции лишь сорок дней и умру на острове». Так всё и случилось. Жителей нашего села так разбросало повсюду, что даже родственники не знали друг о друге, кто жив, а кто нет.

Поэтому я решил самостоятельно отправиться на Керкиру, чтобы обрести и перевезти мощи. Не знаю, чего больше было в этой мысли — благоговения или дерзости. Всю дорогу меня не оставлял помысел: «Как мне быть, если мощи окажутся нетленными? Вряд ли местные жители разрешат мне их увезти». В том, что мощи будут обретены, я не сомневался. В 1945 году мои братья разыскали могилу отца Арсения и прислали мне с неё земли, которой мы посыпали тело одного нашего земляка, найденное неистлевшим, и оно истлело^[3]. (Сделано это было по совету Продромоса, он же сказал мне, почему тело не истлело.)

Так вот, на Керкиру я приехал в октябре 1958 года, а там всё время шли дожди. Священник кладбищенской церкви посоветовал мне приехать в другой раз или ждать, пока прекратятся дожди. Я сказал ему: «Я приду завтра утром, и отец Арсений поможет». На следующее утро, когда я выходил из дома, шёл проливной дождь, но едва я дошёл до кладбища, дождь прекратился, вышло солнце. Когда обретали мощи, небо было чистое. Священник отслужил панихиду. А когда я с мощами выходил с кладбища, опять пошёл сильный дождь. Священник сказал мне тогда: «Отец Арсений сотворил чудо».

Я пришёл в гостиницу. Мощи положил в чемодан и поставил его на подушку, а крышку чемодана открыл, чтобы видеть их, и молился, стоя на коленях. Стемнело, и я зажёл свет, чтобы и ночью видеть мощи и молиться. Между девятью и десятью часами вечера (по мирскому времени) я, стоя на коленях и молясь, вдруг улышал угрожающий голос: «Это ещё что за мощи?» Я почувствовал, как какая-то сила сдавливает меня. Тела я не видел, только две чёрные страшные руки, душившие меня. Тут я, сам не знаю почему, громко крикнул: «Святой Арсений, помоги мне!» И вот кто-то крепко схватил те страшные руки и высвободил меня. Сердце стало

сладостно биться, и я с ещё большей любовью молился отцу Арсению. На другой день я уехал с мощами в Коницу. О случившемся рассказал только двум рабам Божиим, опасаясь, как бы не узнали многие и женщины по безрассудному благочестию не присочинили бы чего.

Плита, положенная фарасиотами на могилу святого Арсения. (Надпись на плите: «Здесь покоится иеромонах Арсений Хаджис из села Фараса епархии Кесария. Скончался 10 ноября 1924 года в возрасте 83 лет»)

В святости отца Арсения я нисколько не сомневался. Должен он или нет совершать и по смерти чудеса, это меня волновало мало, это решает Бог, а не я. Ему не требуется человеческая помощь, чтобы творить чудеса, так как Он Бог. И в Евангелии мы видим, что Препоблагословенная Богородица ждала с упованием, пока заговорит Сам Христос и разъяснит людям всё чудесами лучше, чем словами. Если отец Арсений и показал одно-два знамения, когда обретались мощи, то, может, он сделал это исключительно для меня, чтобы пробудить от великого нерадения и возбудить ревность.

Моё дело было записать всё известное об отце Арсени. Я много слышал от старика Продромоса и родителей, но нужно было расспросить и других фарасиотов, живших в Конице и других местах Греции, — потом этого уже нельзя будет сделать при всём желании, так как старики один за другим уходят, переселяясь в общее всем нам Небесное Отечество. Так, например, когда в 1958 году я привёз мощи отца Арсения в Коницу, из старых фарасиотов в живых оставались только два Продромоса (Корциноглу и Езнепидис^[4]), да четыре благочестивых старушки, которые тоже сподобились получить благословение от мощей.

В 1970 году я перенёс мощи отца Арсения из Коницы в новый женский монастырь святого Иоанна Богослова, который находится в Суроти, рядом с Салониками. Церковь на кладбище ещё не была построена, поэтому нельзя было положить мощи в костницу, а потому я временно поместил их под престолом соборного храма. Ключи от сундука были отданы игуменье Филофее, которая хранила их в запечатанном конверте. Ей было наказано никому конверт не давать, а ключи выдавать только мне лично, если я попрошу.

Мощи лежали в сундуке, и никто об этом не знал — игуменья и ризничая думали, что там облачения. Но в 1970 году произошло несколько случаев. Отец Арсений сначала явился одной сестре, а потом другой (я расскажу подробно, как это было). Духовник монастыря, узнав об этом, не стал ничего объяснять сёстрам, чтобы как-нибудь не причинить вреда, а связался со мной. Я попросил его ещё раз ни о чём не говорить, но всё предоставить Богу.

Итак, рассказываю, что именно произошло, как мне поведали об этом сами сёстры в письме, а потом при личной встрече. Сначала отец Арсений явился послушнице Василики Сталимени. Вот что она рассказала: «Был третий день Рождества, воскресенье, 27 декабря 1970 года. На литургии я была погружена в молитву и вдруг во время Херувимской увидела, кроме нашего священника, молившегося перед престолом в алтаре, ещё одного в

белом облачении, который клал поклоны и молился справа от престола. Я не могла понять, что происходит и откуда взялся второй священник. Опять подняла глаза и увидела, что он стоит на прежнем месте и продолжает делать поклоны. Поражённая этим божественным видением, я села в стасидию^[5], чтобы не упасть». (Сундук с мощами отца Арсения стоял под престолом именно с правой стороны.)

С той же сестрой Василики произошёл ещё один случай. Пишу с её слов. «Во второй раз, 17 мая 1971 года, я с двумя сёстрами стояла на всенощной службе. Когда мы пели акафист Божией Матери, на двух последних стихах из алтаря стал подпевать мужской голос. Я замолчала и прислушалась, а сёстры решив, что я сбилась, стали показывать на ноты, где петь; я ничего не сказала, только кивнула головой, в знак того, что поняла».

Другой сестре, ризницей Марии Панделоглу, явление было не в видении, а во сне. Она увидела, как от монастыря поднимаются клубы дыма, но огня видно не было. Все волновались, и тут она услышала голос: «Не волнуйтесь. Арсений не даст монастырю сгореть». (В те дни диавол позависти обложил монастырь «хворостом» и «соломой», то есть клеветой, желая нанести обители вред.) Потом её спросили: «Почему кости отца Арсения у вас в таком небрежении?» И Мария, хотя ничего не знала, ответила так: «Как же в небрежении, если они у нас в алтаре и перед ними горит лампада?» (Действительно же мощи лежали тогда в самом обычном сундуке.)

Ещё раз отец Арсений явился Марии позже, когда она уже знала о мощах, ночью в храме. Мария одна зажигала лампады, когда увидела у входа в храм священника, который вдруг исчез у неё на глазах. Однажды у Марии сильно болели почки, она помолилась отцу Арсению и выздоровела.

Когда я узнал обо всём этом, то мне пришла мысль собрать как можно скорее какие возможно сведения об отце Арсении и написать его житие.

Ещё в 1964 году я поручил своему брату Луке, который жил в Конице, встречаться или списываться с нашими односельчанами, живущими в разных концах Греции, собирать и записывать сведения о жизни отца Арсения. Больше других сведений о нём собрал отец Феодор Феодоридис (сын Фкосотиса). Собранные им у односельчан из Фарас, которые теперь жили в Афинах в районе Мосхато (ибо в Фарасах отец Феодор был ещё ребёнком), сведения он послал Луке.

Однако этот благословенный человек умолчал о многих чудесах, совершённых при жизни отцом Арсением на родине, и написал лишь в общем, что отец Арсений читал молитвы над болящими и те

выздоровливали. Кроме того, не всё, о чём он пишет, соответствует действительности. К тому же он приводил оскорбительное для святого мнение двоих фарасиотов.

Когда Лука прочитал нашему старику отцу то, что написал отец Феодор, тот только покачал головой. Он сильно огорчился, потому что очень хорошо знал отца Арсения, ведь двадцать четыре года он был бессменным старостой в Фарасах и постоянно общался с отцом Арсением, потому что союз священника и старосты был обычным в наших селениях, а тем более в те годы, когда жили при турках. Видя, как отец переживает, Лука почёл за лучшее взять у отца Феодора и переслать мне только некоторые сведения.

В 1962 году я лично встретился с отцом Феодором в Эгалео и кое с кем ещё из наших земляков в Мосхато. На самом деле я увидел, что большая часть землячества фарасиотов совершенно безразлична к отцу Арсению, чего я никак не мог себе тогда объяснить. Например, я попросил председателя землячества рассказать мне, что ему известно об отце Арсении, а он мне ответил: «Знаешь, отец Паисий, не стоит вообще говорить об отце Арсении. Лучше обращать внимание других на нашего земляка Кессарийского митрополита Паисия II, и тогда наше землячество будет пользоваться большим уважением». Услышав это, я удивился тому, насколько по-мирски мыслят эти люди!

В 1971 году я поехал в Коницу и нашёл у Луки все записи отца Феодора. Взяв их, я поехал в Афины, где и встретился в Эгалео с самим отцом Феодором. Поблагодарив его за труды, я, однако, не скрыл и своего недовольства тем, что он умолчал о чудесах отца Арсения. Он ничего не стал объяснять, а в конце беседы вручил мне биографию митрополита Паисия II. Только тут я понял, что у фарасиотского землячества в Мосхато другие интересы. Я упрекнул отца Феодора, и, похоже, в нём заговорила совесть. Он пообещал собирать и прислать мне свидетельства о чудесах, совершённых отцом Арсением на родине. (Однако пока ничего не прислал; видимо, кто-то ему мешает.) Но он сам рассказал мне об одном чуде, которому был свидетель. Оно произошло с бесноватой, которой было оказано гостеприимство в их доме до и после того, как Хаджефендис^[6] её исцелил.

Даже председатель землячества Авраам Псаропулос после того, как я обличил и его, рассказал об одном чуде отца Арсения, очевидцем которого был сам. Однажды после Божественной литургии, когда все разошлись и в храме оставались лишь псалт Продромос, староста с помощниками и несколько пономарей, отец Арсений, стоя перед Царскими вратами, стал

читать Евангелие над одной слепой женщиной-христианкой. Вдруг просиял свет, подобный разноцветной радуге, он окружил отца Арсения и слепую женщину, которая стояла перед ним на коленях. В этот момент она прозрела.

По настроению, царившему в землячестве, я понял, что они намеренно умалчивают об отце Арсении, дабы не повредить авторитету митрополита Паисия II, который развернул в своё время широкую общественную деятельность и много добился благодаря своему интеллекту. А отец Арсений был сосудом Божественной благодати и являл силу Божию. Являл и являет, и глас Божий людям заглушить невозможно.

Из Мосхато я уехал расстроенный. Я сравнивал этих людей с другими нашими земляками, с которыми встречался в Салониках в 1947 году. Они прибыли туда из деревень Драмы после столкновений с болгарам^[7]. В простоте жителей Драмы был всё ещё уловим тот особый аромат малоазийского благочестия. Некоторые из них, в том числе Иоанн Киркалас, Мелетий Келекидис и другие, сообщили мне в 1971 году очень ценные сведения о жизни отца Арсения, которые записал Лазарь Келекидис.

В том же году я приехал опять с целью собрать более подробные сведения об отце Арсении. К сожалению, старики к тому времени почти все уже умерли, а те, кто приехал из Фарас молодыми, уже состарились. От них я и узнал об одном родственнике отца Арсения — Продромосе Арцидисе, или Анницалихосе, который жил в Дrame. Я поехал к нему, но не нашёл ни его самого, потому что он умер, ни его детей, так как они разъехались по разным местам.

В Хористи, одной из деревень Драмы, в 1971 году, во время первой своей поездки, я встретился с двумя благочестивыми и очень почтенными старцами: Василием Каропулосом и Моисеем Когландисом (сыном Пангласа, или Хутиса), родственником отца Арсения, одним из тех, кто сопровождал его во время пешего перехода, когда происходил обмен населением. От них я узнал о двух других спутниках отца Арсения. Один из них — Сарандис Цопуридис — уже отошёл ко Господу, а другой — Соломон Коскеридис — жил в деревне Палеохори в Пангео. В 1971 году я ему написал. А в 1972 году, когда я снова проехал по деревням Драмы, мне удалось с ним встретиться. От него я узнал об Анастисе Караусоглу, жившем в Петрусе, от которого я получил много точных сведений. Помимо этого, в 1971 году в Плати, рядом с Салониками, я познакомился с двумя другими фарасиотами, людьми благочестивыми и богобоязненными: Константином Куласом и Симеоном Караусоглу. Они тоже сообщили мне

много интересного.

Из Плати я поехал в Коницу, чтобы забрать книги отца Арсения, хранившиеся у сына Продромоса Димитрия. Там я встретился с бывшими учениками отца Арсения и с благочестивым чтецом Кириакомом Сеферидисом. К сожалению, среди книг отца Арсения я не нашёл одной тетради, интересовавшей меня больше всего. В ней были записаны предсказания, сделанные отцом Арсением. Кроме пророчества о переселении жителей нашей деревни, в ней говорилось вообще о войнах и бедствиях. Помню, как в 1937 году геро-Продромос^[8], к примеру, нам прочитал из неё следующее: «В 1941 году ягнята на Пасху будут чёрными». Услышав это тогда, мы подумали, что в 1941 году овцы будут рожать одних чёрных ягнят. Но когда в 1940-41 году началась война и Пасха была действительно чёрная, мы поняли истинный смысл этого пророчества. Эту тетрадь кто-то взял почитать, а потом в простоте стал вырывать из неё страницы и раздавать болящим фарасиотам в благословение от Хаджефендиса.

Ещё я расстроился из-за того, что пропал архив моего отца, в котором я тоже мог бы найти определённые сведения. Но это меня не остановило, так как и без архива у меня было много материала. Просто помысел говорил мне, что, чем больше свидетелей, тем больше света прольётся на жизнь отца Арсения, а свет есть истина. Люди помогли мне просеять собранный материал и отделить плевелы от пшеницы. «Чистой пшенице» предстояло храниться в сундуке с честными мощами святого отца, «плевелы» — неправедные слова тех, кто не понимал его жизни, грешил, сея соблазн, возможно и ненамеренно, — были удалены.

Приведённые здесь свидетельства я слышал, в основном, от простых благочестивых людей. У меня не было цели писать научную работу. Меня интересовало духовное богатство отца Арсения, которым можно напитать душу. Мне безразлично, дождь шёл или снег в день его рождения, был турецкий жандарм родом из Ях-Яли или из Нигдии. В 1971 я уже написал одно житие отца Арсения, тогда материала было меньше. Я дал посмотреть его отцам Василию, игумену монастыря Ставроникита, и Григорию. Они прочитали и сказали оставить всё как есть, посоветовав только кое-что объяснить и написать, как я познакомился с отцом Арсением, а также исправили многочисленные орфографические ошибки, допущенные мной, чтобы читатели не смущались.

Теперь я добавил новые сведения о жизни и чудесах отца Арсения и пишу вступление.

Так как поведение отца Арсения смущало некоторых людей, не

имеющих духовной глубины, то я должен объяснить некоторые из его «святых чудачеств».

Я слышал, как один фарасиот говорил: «Этот Хаджефендис (отец Арсений) много чудес сотворил в Варасио (Фарасах). Я собственными глазами их видел. Люди говорили, что его молитва рассекает камень, и считали за святого и христиане, и турки, потому что он молился за больных, и они выздоравливали. Он, наверное, колдуном был, потому что раздавал талисманы»^[9].

Отец Арсений, как видно дальше в житии, в числе других даров, которые удостоился получить от Бога, имел и дар разрешать бесплодие у женщин. Если при всех других болезнях к нему приходила больная женщина, он читал молитву и она исцелялась, то, когда речь шла о бесплодии, он писал молитву на бумаге, складывал и передавал больной, и та носила её сложенной на груди, и мысли у женщин успокаивались.

Он поступал таким образом, чтобы не вводить в соблазн людей, не способных мыслить чисто. Ладанку с молитвой он передавал бесплодной через кого-нибудь из её родственников или знакомых.

Некоторые бесплодные женщины посылали отцу Арсению свои платки, чтобы он их благословил, а потом благоговейно носили эти платки и в своё время разрешались. Некоторые просили Хаджефендиса благословить отрезок верёвки, чтобы носить как пояс для исцеления от бесплодия и для облегчения родов. Отец Арсений посылал таким женщинам вощёный фитиль, которым пользовался для зажигания лампад, или бечёвку.

Всё это несчастный человек, о котором упоминалось выше, в заблуждении своём считал настоящим колдовством.

Одна уроженка Фарас, которая была ещё ребёнком, когда жил отец Арсений, в Мосхато говорила мне: «Правда, что Хаджефендис (отец Арсений) совершил много чудес в Фарасах. Некоторые я сама видела, когда была маленькой, о других слышала от родителей. Но только не говорите мне, что он был святой. В больнице на Керкире он не разрешал убивать вшей, которые по нему ползали».

На самом деле было такое, но когда читатель дойдёт до этого места в повествовании, то сам поймёт, почему отец Арсений так поступал.

Я слышал, как фарасиоты помоложе, говорили: «Хаджефендис был святой, да пребудет с нами его благословение. У нас в селе не было врача — он читал молитвы над болящими, и те выздоравливали. Мы сами видели это, когда были маленькими, и помним. И всё-таки он был очень странным. Не слушал крестного, но сам давал младенцу имя, какое хотел: то

монашеское, а то какое-нибудь еврейское. А именем великого святого называть не разрешал».

Это действительно было так, но и в этом был большой смысл. Отец Арсений давал детям редкие имена, чтобы отучить жителей от застолий на именинах, которые часто заканчивались ссорами. Потому он предпочитал давать младенцам редкие имена: Авраам, Исаак, Иосиф, Аверкий, Иордан и другие — и тем положил конец народным сборищам, пьянству и дракам, а то и поножовщине (ведь тогда все мужчины носили оружие). Теперь фарасиоты по праздникам после Божественной литургии волей-неволей шли по домам, потому что не к кому было собираться на именины. Немного отдохнув, старики собирались у отца Арсения в доме, стоявшем рядом с его кельей. Там он рассказывал им житие святого, память которого отмечалась в тот день, какую-нибудь евангельскую притчу или историю из Ветхого Завета об Аврааме, Исааке, Иакове и Иосифе. Всё это он рассказывал живым языком, чтобы лучше запоминалось. Если рассказ был длинным и отец Арсений видел, что старики устали и хотят покурить, то вставал и сам приносил им табак. Потому они сидели и слушали с удовольствием, а потом каждый пересказывал услышанное дома или соседям, когда все собирались вместе вечерами. Так благой пастырь добился того, что христиане от праздников получали пользу, а не вредили себе винопитием и т. п.

Жители Фарас имели в изобилии все блага земные: зимой сидели по домам и отдыхали от работы. И большие, и малые при себе имели оружие, чтобы по первому зову выйти на защиту села от четов. Полиции в округе не было. Туркам было невыгодно иметь полицию, чтобы не стеснять четов. С их помощью турки намеревались уничтожить шесть христианских селений в Фарасах — небольшой греческий островок в сердце Турции. Но мудрейший отец Арсений нашёл противоядие и против этого зла. Он добился того, что в Фарасах прекратились шумные именины и драки. Среди жителей воцарились любовь и единомыслие, а удаль и пыл молодых были направлены на борьбу с турками. Отец Арсений часто говорил юношам: «Горячность свою срывайте на четах, пусть не смеют появляться в нашем селении». Молодёжь так и делала.

«Стоило появиться четам, — рассказывал мой отец, — как со взрослыми в бой бросались и молодые, да так, словно не воевать шли, а играть в снежки, и я не мог их удержать». А представьте, сколько бед могли бы причинить турки (четы), если бы они пришли в Фарасы, а жители там ходят пьяные с одних именин на другие, ссорятся, ругаются и дерутся по поводу и без повода. Лучшего для турок и пожелать нельзя: перебьют всех

по одному и Фарасы опозорят. Турки никогда не смогли бы победить греков, если бы сами греки «не поедали» друг друга.

Следовательно, отец Арсений правильно поступал, давая младенцам при крещении редкие имена, не считаясь с мнением крёстного отца. В этом была большая мудрость, которую некоторые несчастные, почему-то почитали за странность.

Итак, давая редкие мужские имена, отец Арсений преследовал особую духовную цель. То же касается и женских имён. В числе других он давал девочкам имена: Иерусалима, Гефсимания, Афина (по названию города, а не Афина по имени древнегреческой богини) и т.д. И тут отец Арсений преследовал определённую цель: каппадокийские греки не должны были забывать столицы своей греческой родины.

Такие были у отца Арсения «странности». Но были ещё и другие, напускные, которыми он старался «прикрыть» свои добродетели. Он всегда старался являть людям противоположность своих добродетелей, чтобы избежать похвал. Честно признаюсь, что эти «святые чудачества», о которых будет сказано в житии, трогают меня даже больше, чем совершённые им силой Божией многие чудеса. Поскольку, притворяясь гневливым или чревоугодником и т.д., он сохранил непорочность души, оберегая её от людских взглядов и суетных похвал. Предпочитал лучше слыть человеком странным, раздражительным, ненормальным, чем святым.

Как показывают факты, отца Арсения можно смело причислить к древним подвижникам (каппадокийским отцам), стяжавшим великие добродетели. С той только разницей, что Арсению Каппадокийскому удалось скрыть свои добродетели под покровом внешних странностей. И, как следствие, люди внешние не смогли его разглядеть под покровом напускных, искусственных странностей, но смущались, видя их.

Носил отец Арсений и другие «покровы», но так как мои духовные руки парализованы многими согрешениями, то и я сейчас не способен их снять. Молитесь: да простит меня за это благой батюшка, а ещё и за то, что я запятнал имя, данное им мне. Это действительно так; правда и то, что я ни в чём не смог ему подражать. И хотя я вёл себя по отношению к нему недостойно, отец Арсений, как истинный подражатель Христов, воздал мне за это любовью. Похоже, он много лет копил свою любовь и в один момент излил её всю, дабы встряхнуть, привести в чувство меня, крайне нерадивого и бесчувственного.

21 февраля 1971 года, в родительскую субботу, день памяти двух святых Феодоров — Стратилата и Тирона, я закончил первый вариант жития, на основании в то время имевшихся у меня данных, и стал

проверять, нет ли ошибок в моём переводе фарасиотского диалекта, который я слышал от стариков. Оставалось два часа до захода солнца. Я читал в то время, когда меня посетил отец Арсений. Он погладил меня по голове, как учитель ученика, хорошо сделавшего задание. В моём сердце разлилась невыразимая сладость и небесная радость, которой я не мог вынести. Я вышел из кельи и стал бегать вокруг как безумный, кричал и звал его, думая, что смогу найти. К счастью, не было посетителей, а то бы они испугались, а я не смог бы объяснить причину этого святого безумия и успокоить. Я кричал то громче: «Отец, отец!» — то тише: «Боже мой, Боже мой, укрепи моё сердце, чтобы дожить мне до вечера!» Не может дебелие сердце вынести той райской сладости, если не укрепит его Бог.

Стемнело, исчезла последняя надежда — до последнего момента я думал, что смогу его найти. Я смотрел на небо, думая о вознесении Господнем. На протяжении сорока дней Божия Матерь и апостолы общались со Христом, а тут вдруг Он у них на глазах стал возноситься на Небо. Я зашёл в келью и снова ощутил прежнюю сладость. Я чувствовал её всю ночь, размышляя вот о чём: «Может, Благой и Праведный Бог послал отца Арсения, чтобы воздать мне в этой жизни райской радостью за те несколько сотен молитв, которые я прочитал по чёткам, во исполнение своего монашеского правила, так как грехи мои велики?» Не знаю, потому прошу, ради любви Христовой, молитесь, чтобы Бог меня помиловал.

Благой отец Арсений явился мне и во второй раз, только теперь ночью, на всенощном бдении. Это было 29 марта 1971 года, в день памяти преподобномучеников Варахисия и Ионы, накануне Вербного воскресенья. В полночь я сидя творил молитву — не помню: дремал я или бодрствовал! Вижу огромное пшеничное поле. Пшеница уже созрела, и много работников жнут усердно, безо всякого надзора. Впереди — от одного края огромной равнины до другого — протянулась братская могила. На другом конце поля находилось здание, где были связисты и офицер, который за всем наблюдал. Иногда этот офицер выходил на улицу и увещевал тех, кто не работал: «Ведь Христос вам заплатит, почему вы не жнёте?»

У меня тоже был маленький участок на том большом поле, где я должен был убрать пшеницу, и небольшая комната в здании, где была своя работа. Поэтому я то жал, то бегал в кабинет передавать поступившие сообщения. Но когда я приходил в кабинет, то видел, что офицер сидел и передавал за меня мои сообщения. Я не знал, как вести себя в этой ситуации: попросить его встать, чтобы самому продолжать работу, я не смел, и, в то же время, не мог уйти, оставив его выполнять за меня мою работу. Я решил, что правильнее будет тихо стоять и ждать, пока он

закончит, а потом идти в поле и продолжать работу там. Так продолжалось много раз.

Когда я в очередной раз побежал передавать сообщения, то увидел, что офицер стоит на улице и ругает тех, кто не хочет жать: «Ведь Христос вам заплатит, почему вы не жнёте?»

Я испугался, что и мне сейчас от него достанется, и потому сказал:

— Простите, у меня только половина лёгкого, и я не могу работать быстрее.

Он мне ответил:

— Я знаю, что у тебя только половина лёгкого. И ещё сильнее я тебя люблю за то, что ты отказываешься получать на почте денежные переводы. Я слежу за тобой и тогда, когда ты ходишь на почту.

Потом мы с этим офицером оказались в странной машине без колёс и без крыльев, которая неслась над землёй со скоростью молнии. Мы ехали в машине стоя. Офицер спросил меня, откуда я и как меня зовут. Видя перед собой офицера, я решил, что должен назвать ему своё мирское имя:

— Меня зовут Арсений, я родился в Фарасах, в Каппадокии.

А он мне сказал:

— Я тоже из Фарас, из рода Цапарисов (прозвище семьи Франгоса или Франгопулоса).

Потом он снова спросил:

— Хаджефендиса знаешь?

И я ответил:

— Как же, конечно, знаю.

Только я это сказал, офицер преобразился в Хаджефендиса (т. е. в отца Арсения). Он обнял меня и поцеловал. Не успел я обрадоваться, как он громко скомандовал: «Стоп!» Машина остановилась, и отец Арсений мне сказал:

— Тебе выходить здесь, а я поеду дальше в Салоники. Я живу там неподалёку.

*Блаженный Старец Паисий в монастыре Суроти
перед честными мощами святого Арсения,
в помещении, где они хранились до окончания
строительства храма*

ЖИТИЕ СВЯТОГО АРСЕНИЯ (ХАДЖЕФЕНДИСА)

Преподобный отец Арсений родился около 1840 года в Фарасах, или Варасьо, — главном из шести христианских селений округа Фарасы в Каппадокии. Его родители были людьми среднего достатка, но богаты добродетелями. Его отца звали Елевферий (или Хаджелевтерий, потому что он ездил в Святую Землю), он был учителем. Фамилия его была Анницалихос, а прозвище Артзидис. Мать звали Варварой. Она происходила из рода Франгосов или Франгопулосов, по прозвищу Цапарисы. У них было два сына Власий и Феодор (отец Арсений). Дети рано остались сиротами. Сначала умер отец, а чуть позже мать. Опекунном детей стала сестра матери, жившая в Фарасах.

Однажды Власий подговорил маленького Феодора сходить на поле отца рядом с потоком Евкаси. Когда они переходили поток, Феодора унесло течением. Рядом была маленькая церковь святого Георгия, и Власий стал со слезами молиться святому. Власий плакал и просил о помощи. Его мучила совесть, потому что из-за него жизнь брата подверглась опасности. Вдруг он видит, что Феодор стоит рядом. Улыбаясь, Феодор рассказал брату, что один всадник, похожий на монаха, выхватил его из воды и на коне вывез на берег. С этого момента Феодор стал говорить, что он тоже будет монахом. Так Промыслом Божиим Феодор с раннего возраста стал на правильный путь. Это событие отразилось и на судьбе Власия. Он стал учителем византийской музыки и прославлял Бога в песнях. Позднее он переселился в Константинополь.

Когда Феодор немного подрос, тётя отправила его учиться в Нигди. Там жила сестра его отца. Она работала учительницей и могла позаботиться о Феодоре. Когда Феодор закончил обучение в Нигди, то тётя — учительница, видя у него большие способности, решила, что мальчику необходимо учиться дальше, и отправила к родственникам в Смирну^[10].

Приезжая на каникулы в Фарасы, Феодор собирал в доме отца местных детей и учил их грамоте. Вёл он себя с ними строго, чтобы те не баловались. Дети же были крайне невоспитанны, потому что никогда в жизни не видели живого учителя^[11]. Хотя Феодор приезжал на каникулы

отдыхать, его отдых состоял в том, что он обучал детей грамоте.

Как-то раз Феодор, приехав в Фарасы, задержался там ненадолго, всего на несколько дней. Тётя намеревалась его женить и без его ведома сосватала ему невесту.

Однажды раз она сказала ему:

— Я предложила Василики, дочери Амбароглиса стать твоей женой, так та не согласилась. Говорит: «Хороший Феодор человек, образованный, семья хорошая, да только он монах. Что же мне за монаха замуж выходить?»

Услышав это, Феодор расстроился и сказал ей с грустью:

— Что же ты, тётя, чужие люди видят, что я буду монахом, а ты так до сих пор и не видишь?

Не теряя времени, он на следующий же день уехал в Смирну. Там, кроме греческого языка и церковных наук, он выучил ещё армянский, турецкий и немного французский языки. Окончив учёбу, он вернулся в Фарасы, попрощался с тётей и уехал в Нигди, где попрощался с другой тётей, и отправился в Кесарию.

Феодору было около двадцати шести лет, когда он поселился в общежительном монастыре Честного Предтечи в Флавианах (Зиндзи-Дере), где и принял постриг, получив имя Арсений.

Но, к сожалению, Арсений недолго наслаждался уединением. В то время была большая потребность в учителях, и митрополит Паисий II, который был тогда ещё жив, по свидетельству Корциноглоса, рукоположил его в диакона и отправил в Фарасы учить грамоте бедных детей.

*Фарасы. На склоне горы видна пещера,
где находился храм Божией Матери (Со Канчи)*

Диакон Арсений вернулся на родину и с ревностью взялся за дело просвещения, выводя людей из мрака безграмотности, в которой были заинтересованы, естественно, турки, которые всегда недобро взирали на греков, живших в Фарасах в шести христианских селениях, словно на маленьком острове посреди необъятного турецкого моря. Поэтому отец Арсений вёл дело тихо и с большим рассуждением, хотя и был ещё очень молод. Занятия проходили в большой комнате, где вместо парт на полу лежали овечьи шкуры, на которых дети, поджав ноги, сидели и слушали. У турок это не вызывало раздражения^[12], потому что они думали, что дети собрались на молитву. Вот как премудро устроил всё отец Арсений. Но чаще всего он собирал детей в пещерном храме в честь Божией Матери (Со Канчи), вырубленном в скале возле селения. Там была тайная школа.

И позже отец Арсений продолжал следовать той же практике. Скрывался от турок, хотя христианам и была предоставлена относительная свобода под давлением православной России^[13]. В Фарасах, затерянных в глубинах Каппадокии, постоянно существовал страх от турок.

Примерно до тридцатилетнего возраста отец Арсений был в сане диакона. Затем в Кесари он был рукоположен в пресвитера и возведён в сан архимандрита. Епископом ему было дано благословение исповедовать^[14].

После рукоположения отец Арсений отправился из Кесари в паломничество к Святым Местам, а потом уже вернулся в Фарасы. С того времени фарасиоты стали называть его Хаджефендис.

Деятельность его на духовной ниве стала расширяться. Отцу Арсению приходилось даже заниматься сбором пожертвований, обходя для этой цели близлежащие деревни и отдалённые города. Однако при этом главной задачей было для него общение с греками, которые жили бок о бок с турками, и укрепление в них православного духа в те трудные времена. Не только словом укреплял отец Арсений пребывавших в страхе христиан, наставляя их быть твёрдыми в вере, но больше чудотворениями по силе щедро дарованной ему благодати, исцеляя тела и души страждущих людей. Вера христиан при виде чудес укреплялась. Они понимали, какую великую силу таит в себе православие. Турки же, видя чудеса, хоть и не становились христианами, но начинали проявлять к ним уважение.

Надо сказать, что отец Арсений, когда к нему приводили больных, никогда не интересовался, кто перед ним — христианин или турок, — но спрашивал, чем человек болеет, чтобы применить соответствующую молитву. Исцеляя больных силой Божественной благодати, он показывал туркам силу нашей веры и заставлял их таким образом уважать православие.

Однажды, обходя деревни со своим псалтом и помощником Продромосом, отец Арсений пришёл в селение Синасос. Местные турки запретили ему встретиться с христианами. Отец Арсений не стал с ними спорить, только сказал Продромосу: «Пойдём, и ты увидишь, как турки сами побегут за нами вслед». Пройдя полчаса, Хаджефендис остановился, встал на колени и воздел руки к небу в молитве. До этого погода была хорошая, но вдруг собрались тучи и начался дождь — буря и ураган. Деревня Синасос содрогалась от грома. Турки сразу уразумели свою оплошность и послали двух заптиев (конных гонцов) догнать отца Арсения. Подъехав, заптии бросились в ноги отцу Арсению, просили прощения от лица всей деревни и умоляли вернуться. Отец Арсений их простил и вернулся в Синасос. Он перекрестил деревню на четыре стороны, буря прекратилась, и снова засияло солнце.

Конечно, он сильно утомлялся. Тяжело было одновременно учить детей, обходить ближние и дальние селения. При этом отец Арсений не переставал служить и совершать своё монашеское правило. Но ему становилось легко, если он видел, что люди вокруг получают облегчение. Он имел большую любовь к Богу и к Его образу — человеку, но только не к себе, ибо, когда он видел беды и притеснения от турок, он забывал о себе,

обнимая любовью не только жителей родного села, но и всех окрестных селений.

Отец Арсений, обладая тонким православным чутьём, чувствовал ответственность за души пасомых, неусыпно старался оградить свою паству от волков, приходивших под видом овец — протестантов, которые занимались на Востоке прозелитизмом через учителей. Он взял себе трёх помощников из числа наиболее образованных жителей села, чтобы ему не могли навязать иностранных учителей.

Если вначале приходилось бояться турок и учить детей тайно, то потом главное зло было от протестантов, угрожавших осквернить своими мудрованиями православную веру в детях. Однажды в деревню прислали нового учителя-протестанта. Приехав в Фарасы, он стал искать дом протестанта Купсиса, который занимался прозелитизмом среди местных жителей за определённую мзду. Новый учитель собирался у него поселиться. Узнав о приезде учителя, отец Арсений пошёл к нему и сказал: «Уезжай скорее. Бери свои вещи, даже не распаковывай, и уезжай. Нам не нужно второго протестанта в Фарасах, хватит с нас одного, и ещё турка, который живёт здесь уже много лет». После этого отец Арсений и в церкви объявил: «Кто заговорит с Купсисом, пусть знает, что после смерти тело у него не истлеет». Это был единственный способ обезвредить Купсиса. Он, как назойливая оса, жалил, в основном, молодых, вливая в их нежные души яд своей прелести. Клеветал он и на отца Арсения, говоря, что тот, якобы намеренно не пускает в деревню учителей, чтобы люди оставались безграмотными. Но после того, как все престали разговаривать с Купсисом, он осознал своё заблуждение, сам пришёл к отцу Арсению, попросил прощения и вернулся в Церковь. Так осиное гнездо протестантов было разорено.

Протестанты нанесли православным христианам на Востоке вреда больше, чем турки, потому что турки исповедовали магометанство и православные христиане их избегали. А протестанты приходили с Евангелием в руках и губили души, завлекая простых людей в свою прелесть.

В обучении детей отец Арсений следовал духу времени. Он ввёл специальные духовные упражнения для детей, чтобы воспитать в них мужество и одновременно смирить страсти. Нередко ему приходилось исключать из школы некоторых переростков, которые приходили с оружием и отказывались слушаться учителя. Потому отец Арсений не принимал в школу девушек. Говорил: «Пусть учатся домашней премудрости».

К сожалению, всего этого не знал Анастасий Левидис. Он был несправедлив по отношению к отцу Арсению. На 408-й странице своего сочинения «О культуре и интеллектуальном развитии каппадокийцев» он пишет, что отец Арсений изгонял учителей: «Отец Арсений, иеромонах, похоже, много трудился на благо родного селения. Обойдя разные места и собрав средства, он отстроил церковь. Он учил деревенских детей, но многих выгонял, так как был человек раздражительный и со странностями. Он не давал покоя новым учителям в силу своей крайней религиозности».

Все свои качества: преданность православию, благочестие, «крайнюю религиозность» — отец Арсений передавал своим ученикам. Ещё он учил детей умной молитве «Господи Иисусе Христе, помилуй мя», также молитве «Во имя Христа и Пресвятой Богородицы». А когда ученики совершали какие-то проступки или переживали неприятности, он учил их говорить: «Согрешил, Боже мой». Он приучил детей делать чётки из кусочков виноградной лозы, нанизанных на нитку, чтобы совершать по этим чёткам молитвы или поклоны, которые каждому были даны в качестве правила. Так он с помощью умной молитвы очищал и освящал детский ум.

Потом в дом к Хаджефендису стали ходить и взрослые за советом и наставлением. Когда зимой в его доме собирались старики, отец Арсений разжигал камин и рассказывал им или евангельскую притчу, или житие святого дня, или что-нибудь из Ветхого Завета. Потом старики расходились по домам или шли к соседям и там рассказывали не какие-то сказки, а то, что слышали от отца Арсения. Так все получали духовную пользу.

Отец Арсений перевёл много евангельских зачал на фарасиотский диалект, чтобы фарасиоты могли понимать Евангелие. В церкви он читал Евангелие сначала по-гречески, потом по-фарасиотски, а потом по-турецки.

Все фарасиоты любили Хаджефендиса, за исключением пьяниц и тунеядцев, праздность которых была для отца Арсения невыносима. Они всегда имели при себе оружие и пили много вина, что приводило к серьёзным беспорядкам и дракам, после которых требовалась медицинская помощь. Но ни в самих Фарасах, ни в окрестных сёлах врача не было, кроме отца Арсения, который был и учителем и врачом душ и телес. Понятно, что он не выписывал большим рецептов, но читал над ними молитвы, и они исцелялись.

Если больной был в тяжёлом состоянии или жил далеко и не было возможности доставить его к отцу Арсению, то Хаджефендису присылали какую-нибудь вещь из его одежды и он читал над ней молитву. Больной с верой и благоговением носил её и исцелялся. Часто, чтобы утешить людей, он писал на бумаге молитву и отсылал её больному, а тот в сложенном виде

носил её в ладанке на шее.

Так как болезней было много и самых разных, то отец Арсений иногда не мог найти в молитвослове соответствующих молитв и использовал с этой целью стихи из псалмов. Евангелие он читал обычно только в самых серьёзных случаях — над слепыми, немыми или бесноватыми. Если он видел, что человек болен не только телесно, но и духовно, то не сразу исцелял болезнь, а просил прийти несколько раз и, только исцелив душу, исцелял окончательно и тело чудесным образом, читая молитву.

Река Земандис

Денег за исцеление отец Арсений, естественно, никогда не брал, даже не прикасался к ним, и обычно говорил: «Наша вера не продаётся». Однажды из села Цахируды к нему привезли одну бесноватую молодую турчанку, которую только что выдали замуж. В этот день отец Арсений был в затворе, и родственники стали просить церковного старосту, чтобы он походатайствовал за них. Бесноватая была связана, но всё равно её с трудом могли удержать. Отец Арсений их принял и велел развязать бесноватую. Но как только её освободили, она бросилась на отца Арсения и укусила его за ногу. Он держал в руках Евангелие и три раза легонько стукнул им женщину по голове, и бес тут же вышел из неё. Она упала на колени, заплакала и стала благоговейно лобызать укушенную ногу. Её отец тоже упал на колени, умоляя отца Арсения принять от него в знак благодарности кошель с деньгами:

— Возьми, всё это твоё, потому что ты спас мою дочь.

Отец Арсений поднял его на ноги и твёрдо сказал ему:

— Оставь себе свои деньги, наша вера не продаётся.

Подарков он тоже не принимал. Однажды один турок в благодарность за то, что его жена родила после того, как стала носить ладанку с молитвой от Хаджефендиса, привёл двух мулов с подарками. Отец Арсений не принял подарков и строго сказал: «Неужели у вас в деревне нет бедных, что ты всё это приволок мне сюда, чтобы я сказал тебе аферим (браво)? Мне подарки не нужны».

В церкви была одна ниша, куда люди по желанию клали деньги для бедных, и бедняки сами брали оттуда, сколько кому было нужно. Больше необходимого не брали, боясь Божия наказания.

Просфоры^[15] из церкви псалт Продромос по поручению отца Арсения по ночам тайно носил в дома бедняков. Бездельникам просфор отец Арсений никогда не давал. Однажды непутёвый человек, тунядец и пьяница, пришёл к отцу Арсению и попросил у него просфор. Отец Арсений вынес ему из кельи ячменную лепёшку со словами:

— Я ем такой хлеб.

Лентяй отказался взять лепёшку, требуя просфору. Тогда отец Арсений строго сказал ему:

— Как тебе не стыдно, тебе сорок пять лет, ты здоровый мужик, а сидишь без дела с утра до вечера и только и думаешь, как бы какую пакость сделать, пьёшь и побираешься.

Затем он велел псалту Продромосу:

— Сходи в церковь, возьми три-четыре просфоры и иди к реке, и если этот бездельник придёт туда, отдай ему их.

А бездельнику, желая расшевелить его, отец Арсений:

— Иди к реке и там возьми свои просфоры да и рыбы налови, благо, её там много.

Но лодырю было лень, и он не пошёл туда, но стал ходить по деревне, рассказывая всем: «Знаете, какой скупой этот Хаджефендис? Сам просфоры не ест и другим не даёт. Они лежат и плесневеют, а Продромос таскает их мешками и выбрасывает в реку».

Отец Арсений, конечно, только радовался таким напрасным обвинениям. Он сам, чтобы избежать людских похвал, часто специально совершал разные странности. Но, несмотря на все его чудачества, окрестные жители: и христиане и турки — считали его святым.

Д. Лукопулос на 54-й странице своей книги «Народная вера в Фарасах» приводит такие слова Елизаветы Коскериду: «В нашей деревне жил один юноша. Когда он вырос, то стал учителем, а потом священником... По ночам он молился... Всё время постился... Святой человек, его молитва могла рассечь камень. Если кто заболел, то он молился о нём Богу и клал земные поклоны... Его имя Хажди Эфендис».

Проявляя большую снисходительность к другим, отец Арсений был очень строг к себе. По своему человеколюбию он постился и молился за тех, кто сам не мог поститься и молиться.

Как духовный отец он не наказывал своих чад. Редко налагал епитимии. Он старался, чтобы человек осознал грех и сам стал искать исправления через подвиг и дела милосердия, к которым отец Арсений постоянно призывал.

Бесноватых и парализованных детей отец Арсений исцелял молитвой, а если видел, что в болезни детей виноваты родители, то наказывал их епитимией, чтобы впредь они были внимательнее. Однажды к Хаджефендису принесли парализованного ребёнка, которого он исцелил молитвой. Но, видя духовным зрением, что в болезни виноваты его родители, он дал им епитимию.

Однажды к отцу Арсению привезли из Синасоса одного бесноватого юношу. Он велел родителям немедленно развязать его, но они боялись. Тогда святой повторил:

— Быстро развяжите его.

Родственники бесноватого сказали:

— Хаджефендис, благослови. Юноша сумасшедший, а что, если он бросится на нас? Мы связали его из-за страха.

Но он настаивал:

— Развяжите его, не бойтесь.

Как только юношу развязали, бес сразу вышел из него. Юноша, как овечка, подошёл к отцу Арсению и тихо сел рядом с ним. Отец Арсений дал епитимию родителям — сорокадневный пост, потому что по их вине в него по рождении вошёл бес, а они, напрасно мучая ни в чём не повинного человека, намеренно изнуряли его голодом, чтобы у того не было сил.

Обычно больных приводили к отцу Арсению в его ветхий дом. Рядом с домом находилась маленькая келья, пол в ней был земляной. В углу лежало два сложенных одеяла. Отец Арсений разворачивал их, когда ложился спать — одно стелил на пол, а другим укрывался. (Как и сколько он спал, никто не знает, кроме Бога, Который и воздаст ему за его труды.) На восточной стене кельи висел иконостас со множеством икон, перед иконостасом горела неугасимая лампада. Под иконостасом на полу лежала овечья шкура, на которой отец Арсений молился, стоя на коленях, или сидел, читая книги. Ещё в келье была полка, на которой стояли книги, — Новый и Ветхий Завет, жития святых, святоотеческие творения и повествование о чудесах Божией Матери, Которую он очень почитал.

Хотя келья его была в миру, но он жил вне мира. Два дня в неделю он пребывал в затворе и молился. Тут он приобретал плоды Духа и освящал молитвой труд других дней недели. От плода его трудов мы духовно питаемся до сих пор. Как правило, отец Арсений, наряду с другими духовными подвигами, затворялся в келье для уединения и молитвы по средам и пятницам.

Если в эти дни приходил издалека больной, не знавший этого правила, и стучался в келью, отец Арсений открывал, но молча. Знаками он выяснял, чем человек болен, находил нужную молитву, читал, и больному выздоравливал. А бывало, что он не открывал даже на стук. Это означало, что он пребывал в созерцании. Судя по всему, в эти дни он не только привлекал молитвой Небесные силы, но и сами Ангельские силы возводили его на Небеса.

Фарасиоты в эти два дня старались не беспокоить отца Арсения. Больные приходили, брали землю с порога кельи, натирали ей больное место и получали исцеление. Одна жительница Фарас потеряла землёй с порога кельи Хаджефендиса пораненную руку и исцелилась. Потом она рассказывала: «На родине мы о врачах и не слыхивали, чуть что к Хаджефендису бежали. Это в Греции есть врачи. Местным когда рассказываешь, они не верят».

В келье отец Арсений обычно носил на плечах мешок. Многие фарасиоты просили, чтобы он его снял, потому что в келью к нему приходили разные важные люди. Но отец Арсений их не слушал. «Я этот

мешок снять не могу, потому что это память о матери», — говорил он. Очевидно, что и тут у отца Арсения была какая-то тайна. Может, скрывал свою молитву «во вретиси и пепеле»^[16], потому что под аналоем у него обычно был рассыпан пепел, который видели у него на полу некоторые люди (например, псалт Продромос), из благого любопытства незаметно заглядывавшие к нему в келью. Как нищий, который смиренно просит милостыни, отец Арсений, набросив на плечи мешок, простирал свои руки к Богу и непрестанно получал от Него дары, которыми насыщал своих чад.

В остальном в его келье был порядок, ведь она служила ему ещё и храмом. Пепел из кадила он вытряхивал с краю очага. Некоторые больные турки, считавшие себя недостойными просить Хаджефендиса о молитве, брали этот пепел, размешивали в воде, пили и исцелялись.

За чудеса, которые совершал отец Арсений благодатью Божией, люди стали почитать его святым, каковым он и был на самом деле. Это ставило отца Арсения в трудное положение, вынуждая брать на себя ещё больший подвиг для того, чтобы скрыть свою святость и избежать человеческой похвалы. Конечно, он не исполнился бы гордостью, но людская похвала в этой суетной жизни отняла бы у него все награды за подвиги. Единственное, что ему оставалось делать в такой ситуации — юродствовать, что отец Арсений и делал. Чтобы его не называли кротким — он гневался. Чтобы не называли постником — представлялся чревоугодником и так далее. Если кто-нибудь отцу Арсению говорил: «Ты святой», то он отвечал: «Твои родственники все ненормальные». Когда человек слышал такие слова о своих родных, очень обижался и в другой раз уже не называл отца Арсения святым. Был бы святым, если бы вёл себя пристойно!

Отец Арсений хотя и старался притворяться разгневанным, но это ему плохо удавалось. В глазах у него всё равно светилась улыбка. Он и на словах старался убедить других в том, что он грешный и страстный человек. «Вот я какой на самом деле. А вы что думали, что я святой?» — часто говорил он.

По отношению к женщинам отец Арсений старался держать себя ещё строже, потому что они его особенно почитали, до безумия стараясь опережая друг друга, позаботиться о нём или накормить его. Поэтому, когда какая-нибудь женщина приносила отцу Арсению еду, он грубо говорил ей, что принесла мало, и отсылал обратно, а то и вовсе ругал за то, что еда приготовлена плохо, и прогонял. Бедные женщины не знали, как угодить ему. Почти все считали Хаджефендиса человеком очень странным, но в то же время святым.

Как-то раз одна фарасиотка приготовила еду и отправила своего ребёнка отнести всё это отцу Арсению. Он, посмотрев на горшочек, спросил:

— Что это?

— Еда, — ответил мальчик, — мама велела тебе отнести.

Притворившись строгим, отец Арсений сказал:

— Что мне один горшок? Мне, чтобы наесться, семи таких горшков мало.

Мальчик ушёл и скоро принёс отцу Арсению еду, на сей раз уже в большом котелке. Хаджефендис поднял крышку, якобы проверяя, хорошо ли приготовлено, сморщил нос и сказал малышу:

— Фу, забирай свою еду и уходи. Ешьте это сами со своей матерью.

Так смиренный отец Арсений, юродствуя, скрывал свою святость и избегал суеты, чтобы в тишине продолжать свой монашеский подвиг, который мирянам трудно было понять.

Ежедневной пищей святого Арсения были ячменные лепёшки, которые он сам выпекал на противне. Поэтому некоторые фарасиоты в шутку звали его Арпатзисом, что в переводе с турецкого означает ячменник. Он пёк лепёшки раз в месяц и потом, когда было нужно, размачивал их в воде. Иногда он варил умбу (трава, которой питаются змеи), щавель, дикий лук, а время от времени пшеничную кашу. Иногда он употреблял и другую пищу, но тогда в течение года воздерживался от какого-нибудь одного вида скоромной пищи, например от рыбы или от молочных продуктов. Мяса отец Арсений не ел никогда, но если случалось быть за столом в непостный день, то он, чтобы не обидеть хозяев, съедал немного. Однако фарасиоты всегда старались предлагать отцу Арсению вместо мяса что-то другое, потому что знали, что потом в келье за мясо, съеденное по любви к ближним, он будет лишать себя воды. Рассудительное воздержание у него всегда соединялось с любовью к другим и смирением.

Но отцу Арсению, как бы он ни старался, было трудно скрыть свои добродетели. Он был на виду, и люди жили с ним бок о бок много лет. Во все посты, а также по средам, пятницам и понедельникам (ангельский пост) отец Арсений до захода солнца не пил даже воды.

Службы он совершал следующим образом. Во все великие праздники служил всенощные, начинавшиеся с заходом солнца и оканчивавшиеся на рассвете. Обычно отец Арсений совершал их в маленькой церкви Пресвятой Богородицы (Со Канчи) или в церкви святого Иоанна Златоуста с одним псалтом Продромосом. Если по дороге им встречался больной человек, то отец Арсений брал и его с собой и, подойдя к храму, исцелял,

чтобы и он славословил вместе с ними Бога за всенощной. Однажды, когда отец Арсений вместе с псалтом шли в храм святого Иоанна Златоуста, то встретили по дороге немую женщину. Они взяли её со спутниками с собой. Придя в храм, отец Арсений прочитал над ней Евангелие, после чего немая сразу заговорила, и все прославили Бога. В другие дни отец Арсений служил в своей келье или в храме преподобномучеников Варахисия и Ионы. Служба начиналась в девять вечера (по мирскому времени) и оканчивалась в три ночи. Потом отец Арсений два-три часа отдыхал. В будние дни он часто ходил в другие ближние храмы в округе и там служил литургию после небольшого отдыха. Вечерню он обычно совершал в церкви преподобномучеников.

Однажды Хаджефендис пошёл совершать вечерню. Только он открыл дверь храма, как увидел Женщину с сияющим лицом. Она вышла из храма и исчезла на глазах у всех. (Среди тех, кто сопровождал тогда отца Арсения, был и Соломон Коскеридис.) Хаджефендис сказал, что это была Пресвятая Богородица.

В дальние храмы, где отец Арсений обычно совершал всенощные, он всегда ходил пешком как бы велико ни было расстояние, и всю службу выстаивал на ногах. Много раз псалт Продромос просил его сесть на осла, но отец Арсений всегда отказывался. У него было правило никогда не ездить верхом, какой бы длинной ни была дорога. Он пять раз бывал в Иерусалиме, и все пять раз от Фарас до порта Мерсина, откуда отходил корабль, шёл пешком.

Отец Арсений не хотел утомлять животных ради собственного удобства, потому что жалел всякую тварь. Мало того что он ходил пешком, он при этом обычно шёл босиком. Когда вдалеке показывались люди, он обувался, а разминувшись с ними, опять убирал обувь в мешок.

Однажды по дороге в Иерусалим отец Арсений проходил через Адану. Там он остановился в доме одной фарасиотки Хаджи-Христины. От долгой ходьбы босиком ноги у Хаджефендиса распухли и не влезали в обувь. Несмотря на сильную усталость от пятидневной дороги, отдыхать он лёг не на кровать, а на пол. После его ухода простыни остались чистыми, но были помяты руками. Это отец Арсений сделал, чтобы порадовать женщину, дабы она думала, что он отдохнул. Так он скрывал свой подвиг. Но люди благочестивые, ревнующие о подвиге, как правило, разгадывали эти уловки.

Как-то раз отец Арсений с псалтом Продромосом обходили селения для сбора пожертвований. Ноги у него опять распухли, и Продромос умолял его сесть на осла отдохнуть, но уговоры были напрасны. Отец

Арсений сказал Продромосу: «Ты сам садись, а за меня не волнуйся. Бог дал животных, чтобы они помогали людям. Не надо на меня смотреть, я монах. Христос все путешествия совершал пешком и только один раз сел на осла, когда входил в Иерусалим, потому что так было нужно. Я хуже осла, так как же я могу садиться на него верхом?»

Смиренное сердце отца Арсения было преисполнено любви к Богу и людям, и переизбыток этой любви изливался на животных, которых он любил больше себя, и предпочитал устать сам, чем утомлять животных.

Хотя отец Арсений был сострадателен даже к животным, в отношениях с женщинами он старался казаться суровым, дабы отучить их от преклонения перед собой. Его чуткому сердцу это было тяжело, но другого выхода он не видел. Ему удавалось производить на людей отталкивающее впечатление, представляясь суровым, раздражительным, странным.

Стоит упомянуть ещё о двух его «странностях». Как-то раз одна женщина увидела, как отец Арсений печёт на противне свои ячменные лепёшки. Она пожалела его и попросила разрешить ей доделать всё самой вместо него. Но отец Арсений сказал: «Приходи через месяц, когда снова надо будет печь, я дам тебе муки, и ты напечёшь лепёшки дома».

Через месяц женщина пришла за мукой. Отец Арсений взял мешок и резко сказал:

— Давай считай сама горсти, чтобы потом не было спора.

Женщина начал считать:

— Одна, две, три...

— Сколько горстей муки, столько лепёшек мне принесёшь. Смотри, не вздумай украсть муку.

Бедная женщина ушла испуганная, не зная, что замыслил отец Арсений. Когда она напекла лепёшек и принесла, он, увидев её, спросил:

— Украла муку?

— Нет, — ответила женщина.

Отец Арсений пересчитал лепёшки. Всё было правильно. Тогда он говорит ей:

— Ты напекла маленькие и горелые. Лучше я сам буду печь.

В другой раз одна женщина увидела, что отец Арсений таскает воду в кувшинах и попросила разрешения ему помочь. Чтобы избавиться от её настойчивости, отец сказал:

— Мне нужен человек, который бы таскал воду до захода солнца. Можешь?

Та отвечала:

— Благослови, отец. Так долго не могу, у меня дома маленькие дети.

Тогда отец Арсений ей говорит:

— Давай, иди к своим детям, а то будут плакать. Мне так не подходит.

Этот разговор слышала соседка той женщины. Она оставила своего ребёнка подруге и радостно вызвалась носить воду для Хаджефендиса. Чтобы избавиться от неё, отец Арсений дал ей кувшины и сказал:

— Таскай воду и лей её на камни во дворе.

Женщина несколько раз проделала эту работу, и её стали мучить помыслы. Она пошла к отцу Арсению и сказала:

— Благослови, Хаджефендис. Вижу, что без толку работаю, только время трачу зря. Я бросила ребёнка и пришла тебе помогать, а ты мне говоришь лить воду на камни.

Тогда отец Арсений ей говорит:

— Камни нужно поливать, чтобы они стали мягче. Если не можешь таскать воду, то иди домой и займись ребёнком: негоже, чтобы он плакал.

Продромос, который видел всю эту сцену, сказал отцу Арсению:

— Благослови, Хаджефендис. Пусть женщины тебе помогают, если это им нравится.

На что отец Арсений ответил:

— Послушай, Продромос, если бы я хотел, чтобы женщины мне служили, то стал бы женатым священником и моя бы матушка обо мне заботилась. Монах, которому служат женщины, уже не монах.

Так отец Арсений старался избавиться от женщин, которые по ревности хотели ему послужить.

Всякий раз, когда он видел, что люди после очередного чуда превозносят его, он резко говорил: «Вы что думаете, что я святой? Я такой же грешник и ещё хуже вас. Что не видите, как я раздражаюсь? А чудеса Христос творит. Я только свои руки воздеваю и Его прошу».

Люди, которые видели, как отец Арсений воздевает руки и в молитве вопиет: «Боже мой!» — говорили: «Его сердце словно разрывалось в ту минуту, казалось, что он хватает Христа за ноги и не отпускает, пока Он не исполнит его прошения».

Отец Арсений старался скрыть свои добродетели, но благодать Божия, обитавшая в нём, его выдавала. О нём знали даже в Константинополе.

Вселенский патриарх почитал Хаджефендиса и много раз ему писал, прося молиться за Вселенский престол. И тогда Хаджефендис брал с собой Продромоса, они шли в храм Пресвятой Богородицы или Иоанна Златоуста и служили всенощное бдение.

«Однажды, — рассказывал Продромос, — в день памяти святого

Харалампия^[17] мы пошли в храм Пресвятой Богородицы (Со Канчи) служить всенощную. Когда я начал петь стихиры на хвалитех^[18], Хаджефендис вышел из алтаря и стал петь вместе со мной. Вдруг вижу на противоположном клиросе стоит какой-то согбенный седой старичок с палочкой. Я в страхе затрепетал. Хаджефендис, увидев, что я дрожу, спросил: „Ты что замёрз?“ Я сказал: „Нет“ и показал на седого старца напротив. Хаджефендис ничуть не смутился и сказал ему по-турецки: „Идите петь вместе с нами“. Старец не ответил, но сделал знак, чтобы пели без него. Я перестал следить за текстом и тайком поглядывал на старца, думая только о нём. От этого пение расстроилось, и старец вынужден был уйти. Он вышел и исчез в большой фиале со святой водой во дворе церкви, и вода залилась в храм. Хаджефендис сказал, что этот седой старец был святой Харалампий. После литургии мы вернулись в деревню, и там я рассказал о случившемся. Многие сразу побежали в храм и набрали себе воды, которая вылилась, когда святой уходил».

После этого случая Хаджефендис пробыл сорок дней в затворе в своей келье. Людям он говорил, что плохо себя чувствует, и многие жители так и думали. А другие говорили, что он напуган происшедшим.

Отцу Арсению неоднократно предлагали стать епископом, но он каждый раз отказывался, ссылаясь на свою раздражительность. А тем, кто понимал, что под раздражительностью он скрывает кротость, говорил: «Не хочу быть епископом, потому что боюсь гордости. Чем выше горы, тем больше на них собирается туч». И Иерусалимский патриарх хотел рукоположить его в епископа и даже просил его брата Власия повлиять на него, но отец Арсений так и не согласился. Богатому архиерейскому саккосу^[19] он предпочёл бедный мешок на плечах, под которым скрывал Царствие Божие, обитавшее в его смиренной душе. Однако, не желая огорчать патриарха, он согласился быть экзархом Святого Гроба и помогать паломникам, отправлявшимся в Иерусалим. А чтобы не огорчать епископа Кесарийского, который его очень уважал и любил, отец Арсений стал экзархом и своего округа.

Как видите, добродетель скрыть невозможно, как бы человек этого ни хотел. Солнце невозможно закрыть решетом, потому что его лучи всё равно будут проникать через дырки. Так и святой Арсений, как он ни старался скрыть свои добродетели, всё равно многие из них стали известны людям. И сама жизнь и многие чудеса свидетельствуют о его святости. Многих из фарасиотов старшего поколения уже нет в живых, однако живы ещё^[20] некоторые из тех, кто был тогда помоложе и видел своими глазами чудеса,

о которых говорится в конце книги.

Благословенный Божий человек Хаджефендис, помимо других даров, имел ещё дар прозорливости. Он за много лет был извещён Богом о переселении в Грецию и говорил фарасиотам, чтобы они не тратили денег зря, а откладывали на дорогу. За год до обмена населением одна женщина пришла к нему и сказала:

— Благослови, Хаджефендис. Я слышала, что в этом году нас будут переселять.

Он ответил ей:

— Успокойся пока и занимайся своими делами, до отъезда у нас ещё целый год.

Когда год миновал, пришло печальное известие и люди стали собираться в дорогу. Конечно, тяжело было оставлять родные дома, но благой отец Арсений старался утешать людей, говоря, что теперь они вернуться на родину, в Грецию. Все фарасиоты стали готовиться к отъезду, готовился и отец Арсений. Прежде всего он окрестил всех ещё не крещённых детей, среди них и сына сельского старосты. Родители мальчика хотели назвать его по имени деда — Христосом. Но отец Арсений не согласился, потому что тоже хотел назвать кого-нибудь своим именем, и сказал родителям:

— Хорошо, конечно, что вы хотите назвать его в честь деда. Но я-то тоже хочу, чтобы у меня был продолжатель.

Поворачивается к крестной матери, держащей ребёнка, и говорит:

— Скажешь: «Арсений».

Действительно, этот мальчик с детства хотел стать монахом и стал им. То ли подействовала молитва отца Арсения, то ли он провидел это. И то и другое свидетельствует о его святости.

После крещения детей отец Арсений целую неделю прятал священные сосуды, дабы они не были осквернены турками. Одни закопал в храме преподобномучеников Варасихия и Ионы, другие на кладбище. Взять их с собой было невозможно, так как все ослы были заняты — на них везли детей и стариков, а также продукты, необходимые в дальней дороге.

Так заботливый отец заботился о своих детях, но и любящие дети старались сделать что возможно, чтобы облегчить ему тяжесть пути. Для отца Арсения специально выбрали смиренного осла, на котором он должен был ехать. Однако он ни под каким предлогом не соглашался сесть на животное. Тогда сельский совет выбрал трёх благочестивых крепких юношей, чтобы они его сопровождали:

Моисея Когландиса, сына Хутиса, Соломона Коскеридиса и

Сарандиса Цопуридиса — хотя отцу Арсению человеческая защита была и ни к чему, он сам был сильным духовным воином, обладавшим Божественной силой, что и проявилось впоследствии.

В путь отправились 14 августа 1924 года, причём турки пришли раньше срока и стали выгонять людей. Успение Богородицы праздновали в деревне Ахьявуды (Ях-Яли), где остановились на отдых.

Отец Арсений, как добрый пастырь, повсюду следовал за своим стадом. Хотя это был обмен населением, а не переселение, турки, как всегда, вели себя словно злые осы.

Из Ахьявуд отцу Арсению пришлось пешком вернуться в Фарасы (шестьдесят километров: тридцать туда, тридцать обратно), потому что он забыл забрать с престола храма святых Варахисия и Ионы мощи святого Иоанна Златоуста. Никого из своих спутников он с собой не взял, чтобы не утомлять их, а потом снова вернулся к своей пастве, которая с волнением ожидала его.

В Ахьявудах турки приставили к отцу Арсению для охраны жандарма, который должен был целым и невредимым доставить его в Нигди. По дороге от Енехилия в Улагацу их нагнал один свирепый турок на коне и, кивнув в сторону отца Арсения, сказал жандарму:

— Что ты с ним возишься? Столкни его где-нибудь в пропасть и дело с концом.

Один из трёх юношей, сопровождавших отца Арсения, сильно испугался за него и посоветовал ему сказать туркам, что он официальное лицо и чтобы они обращались с ним повежливее. Отец Арсений ему ответил: «Не стоит. Ну-ка пошли». И они продолжили путь. «Всадник не успел отъехать и двадцати метров, — рассказывал Моисей Когландис, — как упал с лошади на землю. Увидев это, жандарм сказал отцу Арсению: „Сен син азиз!“ (Ты святой)». После этого случая турецкий жандарм относился к отцу Арсению с большим почтением. А Хаджефендис сказал юношам: «Я и слова не успел произнести, а он уже упал».

В Нигди отца Арсения ждали не только фарасиоты. Многие местные жители, страдавшие различными недугами, услышав о его приходе, ждали, чтобы получить исцеление. Среди болящих была и дочь местного богача, одержимая страшным демоном. Вслед за болящей, которая ужасно себя вела, ходило много праздного народа. Отец Арсений всех разогнал, а отцу сказал привести дочь на следующий день. Тот так и сделал. Когда отец Арсений прочитал Евангелие, бес вышел из девушки и она стала здоровой. Благодарный отец достал кошель и просил святого принять его, но отец Арсений не соглашался. Богач же настаивал, потому что боялся, что если

святой не возьмёт денег, то с его дочерью опять что-нибудь случится. Тогда отец Арсений вытряхнул на землю всё содержимое кошелька и сказал: «Если не хочешь, чтобы твоя дочь опять заболела, возьми эти деньги и своими руками раздай их бедным». Отец с радостью их раздал.

Фарасиоты, видя, что отец Арсений в свои восемьдесят три года после пяти дней пути хочет и дальше идти пешком, почти насильно усадили его в повозку и повезли, дабы он постоянно был рядом.

Среди бед и страданий, тяжёлых условий пути святой пребывал в единении с Богом, укрепляясь Божественной благодатью и утешая других, вселяя в людей надежду и упование. Хаджефендис не переставал утешать их и в дальнейшем, потому что должен был подготовить людей к предстоящей разлуке их друг с другом и с ним самим. Он напоминал им о том, о чём некогда говорил ещё в родном селении: «Когда мы поедем в Грецию, то жители нашего села окажутся разбросанными по разным её концам. Будет сущая неразбериха». Ещё повторял: «В Греции я проживу всего сорок дней и умру на острове».

И на корабле его лик источал благодать и утешение. От подвижнических трудов его лицо приобрело какой-то особый блеск и по цвету напоминало спелую айву. От непомерных духовных подвигов, подъятых ради любви ко Христу и на благо родной паствы, которой отец Арсений как добрый пастырь руководил пятьдесят пять лет, плоть его иссохла и утончилась.

Но не столько работа изнуряла все эти годы неутомимого делателя винограда Христова, сколько неусыпное попечение о безопасности виноградника. Фарасы находились в месте глухом, а вокруг дикие звери (четы), которые то и дело старались разрушить ограду и разорить виноградник. Видя это, Благой Бог решил пересадить лозу в Свой большой виноградник — Грецию, а виноградаря призвать к Себе, чтобы тот отдохнул от трудов.

На корабле каждая семья, действительно, была словно связка виноградных ветвей, и любящий отец нежно заботился о каждой. Некоторые голодали, отказываясь есть скоромную пищу в бесплатной столовой. Им отец Арсений говорил: «Сейчас про посты забудьте, ешьте, что дают. Когда на новом месте обустроитесь, тогда и будете поститься». А сам доставал из-за пазухи ячменную лепёшку и садился вместе со всеми, говоря: «На меня не смотрите, я монах».

После трудного путешествия корабль причалил в греческом порту Пиреи, у селения Святого Георгия. Здесь, на греческой земле, 14 сентября 1924 года они радостно встретили и великий праздник Воздвижения

Честного Креста (по старому стилю, которого придерживались на родине). Три недели переселенцы провели в лагере для беженцев в селении Святого Георгия, а потом поехали на Керкиру, где их временно разместили в городской крепости.

Тут милосердный Хаджефендис заболел. Фарасиоты встревожились. Его, почти насильно, положили в больницу, где условия были лучше, чем в крепости. Отец Арсений ни за что не хотел расставаться с земляками и со слезами просил: «Дайте мне умереть рядом с вами», но те не слушали. Из любви к нему они думали, что в больнице он скорее поправится и снова вернётся к ним, словно забыли слова Хаджефендиса: «В Греции я проживу всего сорок дней».

На Керкире, в городской крепости, отец Арсений прожил две недели и два раза служил в храме святого Георгия. Ещё неделю он пробыл в больнице, где его постоянно навещали обеспокоенные его здоровьем фарасиоты. Однажды Продромос хотел забрать у отца Арсения в стирку одежду.

— Что её стирать? Не сегодня-завтра она будет в земле, — сказал ему отец Арсений.

Продромос не понял и снова сказал:

— Дай я её постираю, ты стар и к тому же болен.

А отец Арсений ответил:

— Что же, по-вашему, я от старости перестал быть монахом?

Он, несомненно, продолжал быть монахом.

В тот же день Продромос увидел, как по отцу Арсению ползёт вошь. Он незаметно её поймал, чтобы не видели люди, которые были рядом, и хотел раздавить. Но Хаджефендис закричал: «Не трогай её» — и, взяв вошь из рук Продромоса, сунул себе под одежду: «Оставьте её, пусть ест, пока есть возможность. Что же, одним червям всё тело достанется?» Потом он обвёл взглядом всех стоящих и сказал: «О душе, о душе надо заботиться, а не о плоти, которая ляжет в землю и будет съедена червями». Это была последняя проповедь отца Арсения об истинном смысле жизни!

Когда все ушли и остался один Продромос, отец Арсений сказал: «Давай, Продромос, прощаться. Послезавтра я перейду в другую жизнь. Вчера днём приходила Божия Матерь и известила меня. Она показала мне Афон и монастыри, которые я очень хотел видеть, да так и не удостоился. Что сказать, Продромос! Знаешь, сколько на Афоне монастырей?! Какие большие храмы?! Красота!» А после этого он сказал: «Через восемь дней умрёт твоя жена Кирьяки, но ты не грусти. И Алмалу, жена Карамуратидиса Стефана, тоже умрёт через тринадцать дней». Так и

случилось.

Прошло назначенных два дня, и настало то самое «послезавтра». И верный раб Божий, отец Арсений, причастившись, отошёл к истинной вечной жизни со Христом. В этот момент не было рядом с ним никого из фарасиотов. Он не желал, чтобы кто-то отвлекал его от молитвы, с которой он готовился в вечность.

Вот кто такой отец Арсений!

Один, малый, с одной надеждой на Божие заступление!

Один, великий, преданный исключительно Богу и образу Божию человеку!

Один, до конца жизни наедине только с Богом!

Когда благочестивый псалт пришёл навестить его, он принял благословение уже от мощей святого отца. В правой руке на груди отец Арсений крепко сжимал узелок со своим главным сокровищем — мощами святого Иоанна Златоуста. Нестязательный отец Арсений не оставил по себе никакого наследства, кроме нескольких потрёпанных книг.

Узнав о его кончине, фарасиоты были безутешны в своём горе, хотя отец Арсений их и готовил к этому. Собралось много людей, и устроили ему торжественные похороны, на которые пришло и много местных жителей. Отец Арсений был погребён на городском кладбище Керкиры рядом с другими священниками.

На могилу положили мраморную плиту, где было выгравировано его имя.

Отец Арсений отошёл ко Господу

10 ноября 1924 года (по новому

стилю) в возрасте

восемидесяти

трёх лет.

Преподобный отец Арсений — звезда

Востока — сошёл с небосклона

уже в Греции, даровав ей

свои честные останки.

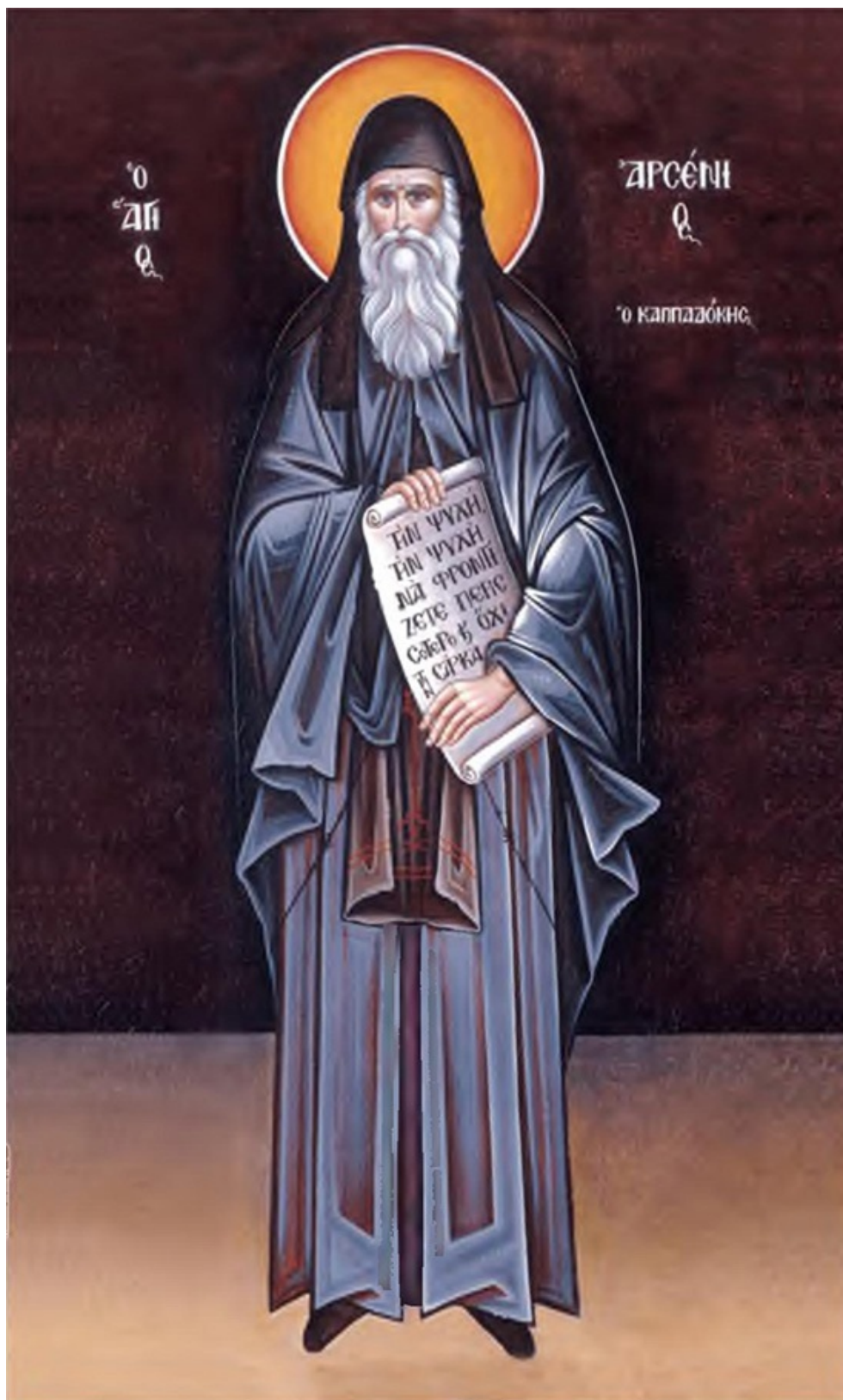

Чтобы люди могли иметь представление о том, как выглядел отец Арсений, я посчитал необходимым описать его внешность.

Отец Арсений был высокого роста, метр восемьдесят, крепко сложен, но худ от подвигов воздержания. Руки у него были настолько сильные, что в молодости четверо человек не могли повалить его на землю.

У него были тёмно-русые, во времена ранней молодости довольно густые волосы. Борода широкая и длинная, густые брови и гладкий лоб. Большие голубые глаза и узкое, вытянутое лицо. Щёки впалые и заросшие густой бородой. Скулы были гладкие и отсвечивали. «Цвета спелой айвы», — как говорили люди. С молодости он казался старше своих лет, поэтому в зрелые годы все считали его уже старцем.

*Святой Арсеній. Изображение
на стене в трапезной монастыря Суроти*

Много лет прошло со времени праведной кончины отца Арсения, но никто из благоговейного страха не дерзал открыть его могилу. Встречаясь, благочестивые фарасиоты спрашивали друг друга: «Хаджефендис никому не являлся?» Они ждали знака, чтобы открыть могилу, думая, что обретут его мощи нетленными. Поэтому, когда через тридцать четыре года могилу открыли и неистлевшими оказались только его честные кости, многие соблазнились. «Если уж Хаджефендис после таких подвигов и чудес не смог стать святым, тогда кто может», — говорили они.

Нет ничего удивительного, что некоторые благочестивые и простодушные фарасиоты так думали. Ведь отец Арсений жил святой жизнью и изливал благодать Божию в чудесах, подобно духовному генератору, который приводился в действие всеобщей и необъятной Божественной любовью, не только на христиан, но и на турок. О чём свидетельствовали все, верные и неверные.

Его дар чудотворения засвидетельствован и одной фарасиоткой, ставшей впоследствии иеговисткой, которая живёт в Пангео. Она рассказала о тех чудесах, которые были совершены отцом Арсением на её глазах.

Соломон Коскеридис из деревни Палеохори в Пангео, один из трёх юношей, сопровождавших отца Арсения во время обмена населением, рассказывал: «Если Хаджефендису приводили больного, чтобы он помолился, больной выздоравливал на все двести процентов сразу после прочтения молитвы. В Фарасах не было врачей. Хаджефендис был нашим врачом и лечил нас молитвой. К нему шли не только фарасиоты. Приходили люди из окрестных деревень и городов: из Нефсехира (Неаполь), Иркупа (Прокопи), Синаса и других мест».

Много чудес совершил отец Арсений. Каждый раз встречаясь с фарасиотами, я брал с собой чистую тетрадь, чтобы записывать всё новые и новые свидетельства. Ведь не день и не два трудился отец Арсений, а целых пятьдесят пять лет он молился над больными, и они благодатью Христовой выздоравливали.

Во время последнего посещения селения Драммы сердце моё возгорелось и мне захотелось побывать в Фарасах. Несмотря на все трудности, 29 октября 1972 года Бог сподобил меня вместе с игуменом

монастыря Ставреникита архимандритом Василием посетить Фарасы. Я очень благодарен Богу за это.

По приезде в Кесарию мы с волнением стали искать на карте Фарасы, но не нашли. Мы спросили про Фарасы у одного турка, и он нам сказал следующее: «Я слышал давно, что Фарасы — это было большое красивое село, где жили христиане. Но когда христиане уехали, пришли турки из Греции, растащили, что было в домах, всё загадили, а потом уехали. В Фарасах, когда там жили христиане, был один святой батюшка. К нему приводили больных, он читал над ними молитвы, и те выздоравливали. Келья его была как аптека».

И всё же кое-что нам удалось выяснить, и на другой день мы прибыли в Ях-Яли (Ахьявуды), расположенное в ста километрах к югу от Кесарии. Пока отец Василий искал джип, два старых турка, которые сидели на улице возле бакалейной лавки, пригласили меня присесть рядом и стали расспрашивать, откуда я и куда еду, священник я или нет. Я им кратко обо всём рассказал. Один из стариков сказал: «Там в Фарасах был один азис папас (святой батюшка). Его звали Хаджефендис. К нему отовсюду приводили больных, он читал молитвы, и больные выздоравливали. Меня тоже к нему водили — у меня была на бок свёрнута голова. Он помолился, и я выздоровел». И он показал мне, как у него была свёрнута голова и как потом встала на место.

Блаженный Старец Паусий в Фарасах Каппадокийских в 1972 году

Потом пришёл отец Василий, мы сели в машину и, проехав ещё тридцать километров на юг, прибыли в Фарасы (в общей сложности мы проделали путь в сто тридцать километров).

Фарасы выглядели именно так, как нам описал турок в Кесарии. Вместо четырёхсот восьмидесяти христианских семей, живших здесь до 1924 года, на развалинах обитало всего семьдесят турецких семей. Церковь превратили в мечеть; обнаружили и вход в церковное подземелье. Все турки поселились здесь после обмена населением. Из местных живы были только двое. У одного из них, который ещё помнил фарасиотский диалект, я попытался узнать, где была келья отца Арсения.

Долгий путь от Фарас до Кесарии (двести шестьдесят километров туда и обратно) отец Арсений, исполняя обязанности экзарха, проходил пешком по три-четыре раза в год. Как Благой Бог мог оставить без воздаяния такое усердие и труды! Он щедро наградил Своего раба благодатью и даром чудотворений.

ЧУДЕСА СВЯТОГО АРСЕНИЯ

Зная о вышеестественных трудах преподобного отца, о его любви к людям, которым он помогал и по-человечески и с помощью Божией, я посчитал своим долгом рассказать о некоторых совершённых им чудесах во славу Божию и по любви ко святому отцу, дабы хоть как-то искупить свою неблагодарность по отношению нему. В чудесах святого отца, о которых рассказали фарасиоты разного возраста, благодать Божия проявляла себя явно, ведь исцеления происходили на глазах многих людей. Внутренняя же жизнь отца Арсения, то, что происходило втайне, нам совершенно неизвестна.

Люди, благоговейные и более внимательные, помнят больше — я привожу здесь и их имена для поминовения. Конечно, и те, кто поведал мне о различных чудесах святого отца, также не будут забыты, но все их имена я здесь упоминать не буду, дабы перечислением их не затруднять читателя. Я опускаю рассказы об исцелениях от одинаковых болезней. Описания почти всех чудес содержались в рассказах псалта Продромоса Корциноглу, который был настоящим летописцем жизни благословенного Хаджефендиса.

* * *

На скале, в пещере, находился храм Божией Матери (Со Канчи). Для увеличения площади фарасиоты пристроили у входа в пещеру деревянный балкон. Чтобы добраться до храма необходимо было подняться сначала по сорока ступеням, выдолбленным в скале, а потом по деревянной лестнице ещё на сто двадцать ступеней. В этот день отец Арсений пришёл вместе с Продромосом в храм, как обычно, служить литургию. После службы отец Арсений вышел на балкон. Только он опёрся на перила, как одна доска оторвалась и он полетел в пропасть. В это время на соседнем поле работал земледелец. Увидев, как падает отец Арсений, он бросил своих волов на поле и побежал, чтобы, как он думал, собрать останки. Продромос, между тем, убирался в храме и ничего не знал. Прибежав на дно ущелья,

крестьянин увидел отца Арсения целым и невредимым, только неподвижным. Он подошёл, чтобы дотронуться, но отец Арсений ему сказал: «Не трогай меня, со мной всё в порядке».

Отец Арсений лежал без движения не потому, что ударился, а от умиления: когда он падал, его подхватила на руки одна Жена и опустила на землю. В этот момент, как он сам рассказывал, он чувствовал себя, как малое дитя на руках у матери. Отец Арсений выбрался из пропасти и, поднявшись по ста шестидесяти ступеням (а их высота составляла пятьдесят метров), вернулся в храм и рассказал обо всём Продромосу, который по-прежнему был занят уборкой и никак не мог понять, что же произошло. Крестьянин пошёл в Фарасы и рассказал жителям о случившемся.

* * *

Один турок из села Телелиды осквернил источник святого Иоанна Златоуста. Святой для вразумления наказал его — у турка голова свернулась набок. Его привели к Хаджефендису, чтобы тот помолился о нём. Но отец Арсений не исцелял его целую неделю. Псалт Продромос удивляясь тому, что отец Арсений за неделю так и не прочитал над турком молитвы, спросил:

— Благослови, отец. Зачем ты держишь здесь этого турка целую неделю? Ведь о других, даже, если они больны ещё тяжелее, ты молишься сразу, и они тут же исцеляются.

— Это ему епитимия. Ведь этот твердолобый не думает, что делает. Едва исцелившись, он пойдёт опять и окунёт свою паршивую голову в святой источник, — ответил отец.

Когда неделя прошла, отец Арсений помолился, и голова стала на место. На прощанье он посоветовал турку:

— В другой раз, как увидишь христианскую святыню, поклонись издали и иди своей дорогой.

* * *

Анестис Караусоглу из Сати вспоминает, что у одного священника была бесплодная жена. Он принёс Хаджефендису её платье и попросил помолиться. Прочитав молитву, отец Арсений сказал священнику: «Жена

твоя родит дочь, и ты назовёшь её Ева». Так и случилось.

* * *

Однажды к Хаджефендису из села Телелиды привели слепую мусульманку по имени Фатма, чтобы он помолился об исцелении её. А происходило это всё в среду, когда святой всегда был в затворе. Провожатые долго стучали в дверь кельи, потом, посадив слепую возле двери, пошли в Месохори. Через некоторое время к келье Хаджефендиса пришла одна фарасиотка с пораненной рукой, взяла с порога земли, потёрла ею больное место и исцелилась. (Так поступали все фарасиоты в среду и пятницу, когда отец Арсений пребывал в затворе, чтобы его не беспокоить.) Увидев слепую, женщина спросила, чего она ждёт, и та ей всё объяснила. Тогда фарасиотка посоветовала ей:

— Чего же ты зря теряешь время? Разве ты не знаешь, что Хаджефендис по средам и пятницам не открывает? Возьми земли с порога, потри глаза и исцелишься. Мы все так делаем, если случится заболеть в среду или пятницу.

Сказав так, фарасиотка оставила её и пошла по своим делам. Мусульманка сначала была потрясена услышанным, однако потом стала на ощупь искать порог. Она взяла земли и потёрла ей глаза. Зрение вернулось к ней, она стала неясно различать окружающие предметы. Не помня себя от радости, женщина схватила камень и стала, как безумная, колотить им в дверь кельи. Отец Арсений открыл и, увидев, что перед ним мусульманка (обычно он в эти дни безмолвствовал), спросил, чего ей нужно. Она всё рассказала. Тогда отец Арсений взял Евангелие и прочитал над ней. К ней полностью возвратилось зрение. Женщина от радости бросилась отцу Арсению в ноги, но тот строго сказал:

— Не мне кланяйся, а Христу, Который вернул тебе свет.

Женщина встала и пошла искать своих провожатых. Потом они все вместе вернулись в свою деревню.

* * *

Из Келмири к Хаджефендису привели одну прокажённую женщину. Он помолился, и проказа очистилась. По словам Продромоса Корциноглу, лицо у неё потом стало чистое, как у ребёнка.

* * *

Фарасиоты, проживающие в Дrame и в Фессалониках, рассказали, как два шейха (предводители мусульманских племён, чародеи) из Хаджи-Пехтеса пришли к отцу Арсению. Он принял их и даже приготовил им кофе. Но шейхи задавали ему глупые, назойливые вопросы, от которых только болела голова. И чтобы избавиться от них, отец Арсений сказал:

— Не могу больше вас слушать, потому что у меня разболелась голова.

Но они не поняли его намёка, и один даже предложил:

— Папас Эфендис, мы сделаем тебе амулет, и если ты его наденешь, то до конца дней у тебя не будет болеть голова.

Тогда отец Арсений строго им сказал:

— Я обладаю силой большей, чем вы, и могу силой Христовой сделать так, что вы не двинетесь с места.

После этих слов он ушёл к себе в келью. Шейхи допили свой кофе и собрались уходить, но не смогли сдвинуться с места, словно были связаны невидимыми узами. Они стали звать отца Арсения. Он пришёл и, не сказав им ни слова, жестом показал, что они свободны. Только после этого они смогли сдвинуться с места. Поняв свою ошибку, шейхи стали просить у отца Арсения прощения, а уходя, они сказали:

— Папас Эфендис, прости нас, велика твоя сила, потому что она происходит из твоей крепкой веры, а мы действуем с помощью сатаны.

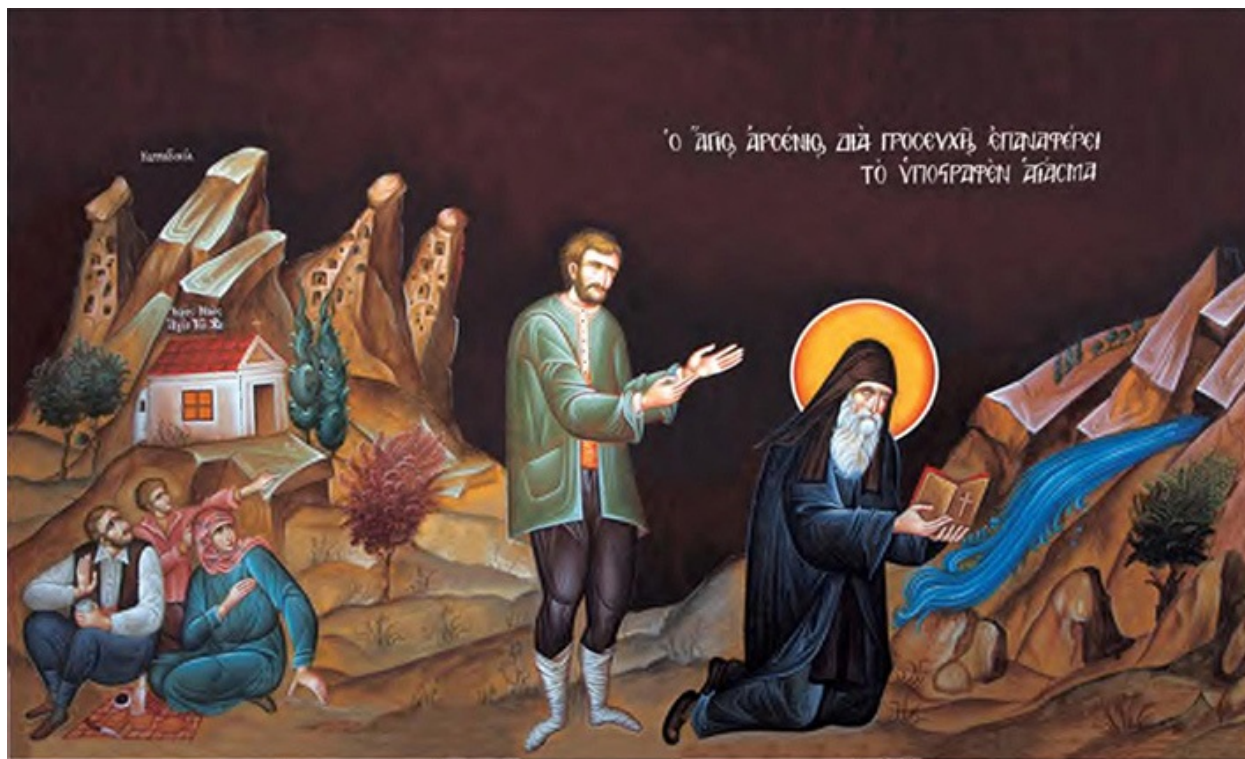
* * *

Они же рассказали, как в другой раз, на праздник святого Иоанна Златоуста прихожане сидели после Божественной литургии возле храма за праздничной трапезой. Недалеко от храма из скалы бил святой источник. Вода с шумом падала с высоты прямо в реку Земандис, но время от времени вода в нём иссякала.

Пока все сидели за трапезой, одна женщина пошла к источнику за водой. А вода в это время перестала течь. Женщина побежала и сказала об этом Хаджефендису. Отец Арсений взял Евангелие и пошёл к отверстию в скале, откуда бил источник. Встав на колени, он прочитал молитву — и вода пошла вновь.

Так случалось часто: вода то уходила, то вновь текла спустя довольно долгое время. Анастасий Левидис говорит, что это обычное природное

явление, вызываемое приливами и отливами. А раб Божий Хаджефендис в любое время мог попросить своего Владыку Бога и получал воду, когда хотел.

*Святой Арсений извлекает воду из святого источника.
Изображение на стене в трапезной монастыря Суроти*

* * *

Симеон Караусоглу вспоминает такой случай. Одна черкешенка-мусульманка попросила Продромоса Копалуса принести ей от Хаджефендиса ладанку, потому что она была бесплодна и муж хотел с ней развестись. Продромос пожалел женщину, так как она была ещё к тому же и сирота и родных у неё не было. Оставив свои дела, он пошёл в деревню. Было уже поздно, и Продромос постеснялся сам пойти к отцу Арсению, а попросил об этом церковного сторожа. Сторож принёс ладанку с молитвой о разрешении от бесплодия. Он знал, что черкешенка богата (её муж был крупным скотовладельцем), и корыстолюбие овладело им. Он взял бумажку с молитвой отца Арсения и завернул её в свою записку, в которой велел прислать шкуры, сыр, мясо и т.д. якобы для Хаджефендиса. Всё это он отдал Продромосу Копалусу, который, ни о чём не подозревая, передал

своей соседке на следующий день. Молитву она стала благоговейно носить на шее, а записку прочитала и отослала сторожу всё, что он просил, думая, что он передаст это отцу Арсению. Прошло время, и черкешенка родила ребёнка, но и после этого она продолжала посылать подарки сторожу, а отец Арсений ничего не знал.

Через два года всё выяснилось. Хаджефендис призвал к себе церковного сторожа и стал его обличать. Но сторож, вместо того чтобы покаяться, отрицал свою вину. Тогда отец Арсений ему сказал:

— Лучше тебе в этой жизни искупить свой грех, чем пойти из-за него в ад. Потому с этого момента тело твоё покроется чирьями, которые будут снедать тебя ровно столько, сколько времени ты ел у черкешенки сыр и мясо.

С того момента тело церковного сторожа покрылось прыщами, вызывавшими страшный зуд. Не имея сил вытерпеть его, он пошёл к отцу Арсению просить прощения. Отец Арсений его простил, прочитал над ним молитву, и сторож исцелился.

* * *

Панайотис, сын Эндзарapidиса, когда ему было двадцать лет, помутился рассудком от любви к одной девушке. Безумие его проходило в буйной форме, так что его не могли даже связать. В конце концов, однажды, когда Панайотис спал, брат с друзьями связал его и отвёз к Хаджефендису. Едва отец Арсений открыл дверь кельи, чтобы узнать, кто и зачем приехал, безумец, связанный цепями, бросился на него, пытаясь ударить. В этот момент Хаджефендис произнёс: «Господи Иисусе Христе!» А потом добавил: «Вон, сатана». Безумный мгновенно обмяк. Потом отец Арсений прочитал над ним Евангелие, и юноша исцелился. Впоследствии он женился и у него была хорошая семья.

(Этот случай рассказали фарасиоты, проживающие в селениях Драмь.)

* * *

Когда Осия Карамуратиду вышла замуж, она стала носить пёстрый смирниотский платок. Отец Арсений неоднократно её обличал, настойчиво советуя одеваться скромно, как другие фарасиотки, но она его не слушала.

Однажды он снова встретил её в этом платке и строго сказал:

— Мне в Фарасах европейской заразы не нужно. Если не слушаешься, так и знай, все твои дети будут умирать сразу после крещения, и тебе не будет никакой радости.

Но, к сожалению, она не послушалась. Только после того, как у неё один за другим умерли двое детей, она сняла свой пёстрый платок и пошла к отцу Арсению просить прощения. Он её простил, сказав:

— Иди теперь, Христос с тобой. Первым у тебя родится мальчик, и мы назовём его Арсением. Потом девочка, а её назовём Ириной.

Так и случилось.

* * *

Стелла Когланиду рассказывает, что однажды к ним в дом в Фарасах привели немого турка лет тридцати. Отец отвёл его к отцу Арсению, чтобы тот помолился о нём и исцелил. Хаджефендис стал читать над ним Евангелие и не успел ещё закончить, как немой заговорил. Отец Арсений отвёл его к себе в дом и оставил ночевать, а на следующий день родственники забрали его и все вместе вернулись домой.

* * *

Сотирия Христофориду рассказывала, как одну слепую турчанку по имени Мериама привели к отцу Арсению. Он помолился, и к ней вернулось зрение.

* * *

Однажды трое турок решили ограбить Хаджефендиса. Они слышали, что к отцу Арсению приходит много людей, и думали, что у него должно быть много денег, хотя отец Арсений к деньгам даже не прикасался. Разбойники отправились к нему в среду, потому что знали, что в эти дни он пребывает в затворе в своей келье. Грабители решили действовать наверняка. Двое из них остались снаружи возле двери, а третий влез через окно и открыл келью изнутри. Одной ногой он уже переступил через порог, когда отец Арсений, читавший своё ночное правило, услышав шум,

обернулся к двери. Взгляд отца Арсения, словно сильный электрический разряд, парализовал бандита. Тот застыл на пороге — одна нога внутри, другая снаружи — со всем своим вооружением. Хаджефендис перевёл взгляд в книгу и спокойно продолжал молитву.

Двое разбойников, ждавших на улице, видя, что их товарища нет, стали волноваться: приближался рассвет. Они пошли в келью и, увидев своего товарища, который застыл на пороге — одна нога в келье, другая в сенях, затрепетали от страха. Они стали просить отца Арсения простить их и разрешить их друга от невидимых уз. Он, не прерывая молитвы, знаком показал им, чтобы они уходили. Только после этого разбойник смог тронуться с места и они втроём ушли. Потом они рассказывали своим собратьям туркам о том, что с ними произошло, прибавляя в заключение: «Аман, Аман, не ходите грабить Хаджефендиса!»

(Этот случай рассказали фарасиоты, живущие в Фессалониках.)

* * *

Симеон Караусоглу рассказывал, что у Иоанна Караусоглу был участок земли за храмом святого Георгия. Однажды, придя на поле, он увидел, что забор, огораживавший загон для скота, завалился с одной стороны, обнажив старую могилу, в которой было неистлевшее человеческое тело. Судя по одежде, человек был похоронен давно. Иоанн в страхе пришёл к Хаджефендису и всё ему рассказал. Отец Арсений быстро собрался и отправился на место, а с ним ещё несколько фарасиотов. Придя, он велел приготовить могилу, а сам совершил панихиду. Когда могила была готова, труп похоронили, и все разошлись. На обратном пути отец Арсений говорил: «Не волнуйтесь, через три дня тело истлеет». И, действительно, когда через три дня пришли посмотреть, могила настолько просела, что в ней образовалась яма, потому что вся плоть истлела, и остались одни кости.

* * *

Моисей Кохланидис рассказывал, что один турок из села Ахьявуды ограбил церковь и не только забрал все церковные сосуды, но ещё и содрал с оклада Евангелия всё серебро, а само Евангелие бросил на пол. Фарасы пришли в возмущение. Староста села рассказывал, что когда люди увидели Евангелие на полу, то все бросились искать того нечестивого турка. Отец

Арсений, между тем, был совершенно спокоен и другим говорил, чтобы не переживали, потому что вор придёт сам, еле передвигая ноги. Через несколько дней вора приводят к Хаджефендису и просят, чтобы он помолился и исцелил его. Кроме того что в святотатца вошёл бес, у него ещё и парализовало нижнюю часть тела, так что он уже не ходил на ногах, а едва их волочил. Все священные сосуды были возвращены в церковь, и впредь он больше не воровал.

Но отец Арсений не стал его исцелять сразу, а оставил так в назидание туркам, чтобы они почитали наши церкви. И, действительно, все турки в округе были в страхе. А когда происходил обмен населением, то, как говорит Василий Каропулос, отец Арсений, проходя через Ахьявуды, помолившись, исцелил того турка от беснования и паралича.

* * *

Продромос Езнепидис рассказывал, как однажды в село прискакало множество турок-четов. Сам Продромос в это время лежал больной в постели, страдая от лихорадки. Он оказался в тяжёлом положении, потому что как староста отвечал за людей. Он приказал, чтобы его отнесли к Хаджефендису. Увидев его в таком состоянии и узнав, что в селе четы, Хаджефендис не стал открывать даже свою тетрадку с молитвами. Он взял, не теряя времени, цераступи (вощёный фитиль для лампад), благословил и обмотал им правую руку Продромоса, сказав: «Иди, храбрец, Христос с тобой, выгони турок, чтобы не смели приходить к нам в село». После этих слов болезнь оставила Продромоса, он собрал молодых мужчин и без каких-либо потерь изгнал четов из села.

Крепость Гал в Фарасах

* * *

Он же рассказывал, как в другой раз в Фарасы опять пришли турки-четы. Мужчин в селе практически не было: одни работали на дальних полях, другие разъехались.

Продромосу пришлось собрать мальчишек и расставить вдоль укрепления, чтобы турки подумали, что в селе много людей. Потом он всех их разогнал по домам, чтобы успели спрятаться. Несколько стариков и те потом разбежались. Продромос остался один, полный решимости умереть, но не пустить четов в село. Он бесстрашно сражался, но у него закончились патроны, и турки взяли его в плен. Продромосу связали и повели в его собственный дом, на террасе которого уже была приготовлена виселица. Его стали мучить, принуждая отдать спрятанное имущество. Внезапно Продромосу пришла на ум одна мысль. Он сказал туркам: «Я всё храню у Хаджефендиса».

Турки, не теряя времени, повели его к отцу Арсению. Увидев перед собой связанного старосту, отец Арсений вознегодовал. Он стал поносить турок, даже назвал их «погаными», требуя, чтобы они развязали пленного.

Главарь шайки пришёл в ярость от слов святого и выхватил кинжал, чтобы убить Хаджефендиса. Тогда отец Арсений сказал ему:

— Опустив свою усохшую руку.

И вот чудо! Рука турка безжизненно повисла, и кинжал его упал на землю. Увидев это, остальные бандиты пришли в страх, а главарь со слезами стал просить, чтобы Хаджефендис его исцелил. Отец Арсений, перекрестив, исцелил руку. Старосту развязали. Отец Арсений сурово обличил разбойников и запретил им впредь появляться в селе. И, действительно, с тех пор ни одного человека из этой шайки в селе больше не видели.

* * *

Анестис Караусоглу рассказывал, что однажды к Хаджефендису привели одну немую турчанку из Эндинуды. Она лишилась дара речи от горя и слёз. Неизвестные похитили её дочь, и бедная женщина не знала, что с ней случилось, жива ли она?

Немая остановилась в доме Хекима, по соседству с домом Хаджефендиса. Туда его и попросили прийти, чтобы помолиться о больной. Отец Арсений сразу пошёл, прочитал молитву, и к женщине вернулся дар речи.

* * *

Ещё он рассказывал, что у одного крупного промышленника из Аданы по имени Косма Симеонидис жена страдала бесплодием. Он послал Хаджефендису одно её платье, чтобы отец Арсений помолился. Он, совершив молитву, отослал одежду назад. Женщина стала носить её и в своё время родила.

* * *

Стефан Захаропулос рассказывал, как однажды четверо курдов^[21] пришли грабить Хаджефендиса. В это время отец Арсений сидел на шкуре и читал. Он видел, как воры открыли дверь, но, не промолвив ни слова, продолжал читать, пока те шарили по всем углам, в надежде найти золотые

монеты. Ничего не найдя, воры собрались уходить, а один из них взял два одеяла, лежавшие в углу. (Эти два одеяла составляли всё имущество отца.) И вот что тут произошло. Они не могли найти дверь, чтобы выйти из кельи. Как слепые, они ходили взад-вперёд по келье, не видя двери. Так как своим хождением они мешали отцу Арсению читать, он сам показал им, где дверь, но они всё равно не видели и продолжали тыкаться туда-сюда. Тогда отец Арсений встал и, взяв за руку одного курда, сказал:

— Вот дверь, которой выходят воры и отправляются в преисподнюю!

Только тут они увидели дверь, раскаялись и попросили прощения. Отец Арсений простил их, и они ушли. Потом эти курды рассказывали своим соплеменникам о том, что с ними произошло: «Аман, Аман! Не ходите воровать у Хаджефендиса. В келью зайдёте, а дверь, чтобы выйти назад, не найдёте».

* * *

Соломон Коскеридис рассказывал, что однажды к Хаджефендису принесли одну парализованную турчанку. Он помолился над ней, и она исцелилась.

* * *

Иоанн Киркалас рассказывал, как однажды на Фарасы напало много турок-четов. Они схватили двенадцать самых богатых жителей села и потребовали от их семей выкуп в пятьсот золотых лир, пообещав зарезать пленных, если их требование не будет выполнено. Ещё они предупредили фарасиотов, что любая попытка освободить пленников будет иметь самые плачевные последствия для самих пленных: их зарежут, прежде чем вступить в бой.

Фарасы всколыхнулись. Люди постарше старались сдержать порыв молодых, чтобы те не сделали какой-нибудь глупости, а женщины взяли детей и побежали к Хаджефендису, который был для них единственной надеждой, — ведь турок было много, говорят, где-то человек триста восемьдесят, и все хорошо вооружены.

Узнав о случившемся, отец Арсений велел старосте достать все деньги из церковного ящика. Там оказалось около пятидесяти лир. Взяв эти деньги, отец Арсений вместе с двумя старцами смело отправился в логово

четов и потребовал для переговоров главаря. Тот вышел довольный, думая, что принесли пятьсот лир. Едва завидев главаря, отец Арсений стал бранить его:

— Бога ты не боишься! Совсем стыд потерял! Откуда этим бедным людям взять тебе пятьсот лир? А ты ещё угрожаешь, что зарежешь их, если вам не принесут денег!

Взяв мешочек с церковными деньгами (деньги были мелкие), он бросил их четам со словами:

— Вот возьмите за труды и быстро верните моих людей, пока я вас всех тут в камни не превратил.

Как только отец Арсений произнёс слова: «...пока я вас всех тут в камни не превратил», все турки застыли на месте, словно каменные изваяния. Отец Арсений оставил их на некоторое время в виде статуй, а потом сказал:

— Быстро ведите сюда моих людей и идите восвояси.

Тут только турки освободились от связывавших их невидимых уз, они развязали двенадцать пленных фарасиотов и ускакали в страхе от случившегося с ними, даже денег, рассыпанных на земле, не подобрали. Освобождённым пленникам отец Арсений велел: «Соберите церковные деньги и пойдёте домой». И все радостные вернулись в село.

* * *

Чтец Кирьякос Сеферидис рассказывал, как однажды к отцу Арсению привели из Телелид одну бесноватую турчанку по имени Тетеви, связанную цепями. Хаджефендис прочитал над ней Евангелие, изгнал беса, и женщина исцелилась.

* * *

Он же рассказывал, как в другой раз привезли в Фарасы из Сиси бесноватого юношу, сына одного турецкого офицера. Хаджефендис прочитал над ним Евангелие, и тот сразу исцелился и стал тихим, как агнец, а до того рвал на себе одежду и раздирал лицо ногтями.

* * *

Как-то раз турки опять украли из церкви священные сосуды. Фарасиоты волновались, старались найти воров. Но Хаджефендис был невозмутим. «Не волнуйтесь, — успокаивал он жителей, — увидите, что святой Георгий сам их приведёт». Грабители добрались уже до Козан-Таги, как вдруг среди бела дня небо почернело и настала такая тьма, что они не смогли продолжать путь и перейти реку Ферахтин, которая была впереди. (Эту странную черноту видел и Антоний Ставридис из каппадокийского селения Зиле.) Грабители поняли, что это Божие наказание и повернули в Фарасы, чтобы возвратить назад священные сосуды. Как только они повернули обратно, чернота исчезла, и воры решили, что это было случайное явление, и снова повернули своих навьюченных мулов обратно в сторону Козан-Таги. Но тут они почувствовали, что кто-то невидимый бьёт их и гонит в сторону Фарас. Так они вернулись с ворованными сосудами обратно в Фарасы. Там, созвав жителей, попросили их быстро разгрузить мулов: сами они не могли этого сделать, потому что защищались от невидимых ударов.

* * *

Анестис Караусоглу рассказывал, что во время массовой резни армян и в Фарасы прискакали человек триста разбойников, чтобы и здесь учинить грабежи и убийства. Хаджефендис, собрав женщин и детей, пошёл с ними в храм Панагии (Со Канчи), и там он стал молиться. А свирепые турки так и не смогли войти в селение — их не допустил святой Иоанн Златоуст. Он явился им на мосту и руками заградил путь. (Над ущельем, где протекала река, стоял маленький храм святого.) Турки испугались, увидев святого, который преграждал им путь через реку Земантис, и повернули назад.

Главарь шайки, увидев его, закричал: «Быстро назад! Святой Златоуст нас не пускает».

* * *

Когда отец Арсений в пятый раз уехал на Святую Землю, женщина по имени София забралась через окно в его келью, не для того чтобы что-нибудь украсть, но, чтобы отомстить Хаджефендису за то, что он сурово обличал некоторые её неблаговидные поступки. Пока её муж ждал снаружи, София перевернула всё вверх дном в келье, побросала на пол

кресты, Евангелие. Говорят даже, что она испражнилась на шкуру, которая лежала на полу перед иконами и на которой отец Арсений молился.

Вернувшись из паломничества и увидев всё это, отец Арсений испытал сильную жалость к Софии. Он неоднократно приглашал её к себе, но та не приходила. В конце концов деревенский староста привёл её к Хаджефендису, который сказал ей:

— Как ты могла такое сделать? Даже нечестивый турок и тот не стал бы бросать кресты и Евангелие на пол.

К сожалению, София вместо того, чтобы покаяться и попросить прощения, стала бессовестно злословить и поносить отца Арсения. Тогда он ей сказал:

— Если у тебя, дорогая, столько ума, то лучше тебе его совсем не иметь, потому что твой ум приведёт тебя в ад. Помолюсь Христу, чтобы Он забрал его у тебя, чтобы тебя судили, по крайней мере, как безумную. Так хоть душа спасётся.

И действительно, с этого момента София потеряла рассудок. Из дикого зверя она превратилась в безобидного, невинно улыбающегося младенца. Она довольно долго жила потом и здесь, в Греции.

Эта история известна всем фарасиотам, только некоторые неправильно истолковали поступок отца Арсения, решив, что он проклял Софию. Однако, как рассказывал мне деревенский староста и другие, и сам я так понимаю, отец Арсений не только проклял её, но, наоборот, облагодетельствовал, открыв дверь в рай, потому что туда входят только овцы, а не дикие козлища. Того же мнения придерживались и все думающие фарасиоты, считающие, что Хаджефендис тем самым спас Софию.

* * *

Амалия Елевфериаду (хотя она и стала теперь иеговисткой) рассказывает, что, когда ей было восемь лет, она как-то раз шла на мельницу и увидела по дороге, как восемь человек из деревни Телелиды вели к Хаджефендису бесноватую жену Агадóккоса. Отец Арсений прочитал над ней молитву, бес вышел из женщины, и она стала тихой как овечка. На радостях отец бесноватой предложил Хаджефендису:

— Возьми себе всё моё состояние, ведь ты вылечил моего ребёнка.

Но Хаджефендис ему ответил:

— Наша вера не продаётся. Твоё состояние принадлежит тебе. Однако,

если ты сам хочешь сделать доброе дело, построй мост или проведи воду туда, где люди страдают от жажды.

Впоследствии её муж Агадökkос построил мост из белого камня.

* * *

Василий Каропулос рассказал, как однажды к Хаджефендису привели одного турка, у которого голова свернулась на правый бок, так что он не мог ей пошевелить. Этот турок был главарём шайки разбойников, человеком очень жестоким, и случившееся с ним было, очевидно, попущено Богом, потому что турок тут же прекратил воровать и разбойничать. В поисках исцеления он обращался ко многим врачам, но исцеления не получал.

Потом пришёл и к Хаджефендису, который прочитал над ним молитву, и голова разбойника встала на место. Отец Арсений строго обличил его несправедную жизнь, и дал епитимью ему самому и всей его семье, потому что родственники его больше походили на зверей, чем на людей.

* * *

Ещё он рассказывал, как один раз к Хаджефендису привели прокажённую женщину по имени Андза́ из деревни Телелиды. Хаджефендис прочитал над ней Евангелие, и прокажённая тут же исцелилась.

* * *

Гавриил Корциноглу — другой чтец, помощник отца Арсения, — рассказал такой случай: «Однажды мы с Хаджефендисом и моим дядей Продромосом пошли в церковь святого Иоанна Златоуста служить литургию. Пока Хаджефендис облачался, я пошёл на источник за водой для литургии. Как только я подошёл к источнику, вода иссякла. Я побежал к Хаджефендису, который, взяв под мышку свой молитвослов, быстро пошёл к источнику, по дороге завязывая поручи. Возле скалы он прочитал молитву, и вода с шумом потекла. Я набрал, сколько было нужно, и мы вернулись в храм».

* * *

Амалия Елевфериаду (та самая, которая стала впоследствии иеговисткой) вспоминала, что Хаджефендис перед переселением в Грецию говорил и о том, что он сам проживёт там только сорок дней. Один фарасиот, услышав это, сказал Хаджефендису:

— Откуда ты это знаешь? Ты что Бог?

Тогда Хаджефендис ему ответил:

— Я верный раб Божий, потому и знаю.

* * *

Симеон Караусоглу рассказывает, как однажды в Фарасы на Пасху в храм после начала Божественной литургии вошёл вооружённый турок, главарь банды. Отец Арсений, видя такую дерзость, велел ему скорее удалиться, но тот не послушался. Тогда отец Арсений, перестав обращать на него внимание, спокойно продолжал службу. Когда же во время Великого входа он вышел из алтаря со Святыми Дарами, турок вдруг затрясся всем телом и не смог двинуться с места, словно был связан невидимыми узами. Это произошло с ним оттого, что увидел отца Арсения идущим по воздуху. Войдя в алтарь с Дарами, Святой подал турку знак, что теперь он может идти. Тот, почувствовав себя свободным, вышел, дрожа всем телом, из храма, отошёл немного и упал в стороне на землю, словно мёртвый.

Когда Божественная литургия закончилась и люди разошлись по домам, староста храма увидел лежащего на земле главаря и сказал Хаджефендису:

— Благослови, отче, турок тот лежит на земле словно мёртвый.

Отец Арсений ответил:

— Хорошо.

Управившись в алтаре, отец Арсений вышел из храма и поднял турка с земли. Святой строго отчитал его, а потом велел церковному старосте:

— Дай ему пять грошей, всё-таки сегодня Пасха.

Главарь, почувствовав себя исцелённым, собрал окружавших деревню четов и вместе с ними ушёл восвояси, объятый трепетом.

* * *

Отец Арсений много раз ездил в паломничество на Святую Землю. Мы знаем только о пяти таких поездках. Во время третьего путешествия в храме Воскресения Христова в Иерусалиме с ним произошёл один случай, о котором потом рассказали ездившие вместе с ним в паломничество фарасиоты: «На Божественной литургии, когда Хаджефендис сослужил со многими епископами и священниками, во время Великого входа лицо нашего Хаджефендиса просияло, так что другие батюшки потом спрашивали нас о нём и просили рассказать о его житии».

Об этом случае я слышал в Конице от геро-Продромоса и других старцев фарасиотов. Но тогда я не придавал большого значения этому событию, ведь столько всего интересного происходило в самих Фарасах. В 1971 году в разговоре со старцем Иосифом из Нового скита я случайно услышал от него рассказ об этом случае, который он прочитал в книге отца Иоакима Специериса «О Божественном Причащении», где автор пишет, что сам участвовал в той службе.

Прочитав эту книгу, я попытался выяснить, живы ли ещё дети тех фарасиотов, которые ездили в тот раз в паломничество вместе с отцом Арсением. Зная, что отец Арсений имел обыкновение ездить на Святую Землю каждые десять лет и что в первый раз он был там после рукоположения во священника (примерно в 1870 году), я посчитал, что в третий раз он ездил в паломничество около 1890 года. Тогда и произошёл этот случай, известный не только фарасиотам-старикам, но и более молодым, живущим в Дrame в селении Хористи (Моисею Кохланидису, Василию Каропулосу и другим) и в Петруссе (Анестису Караусоглу и другим).

Читая этот отрывок, мы ощущаем тот же аромат духовного благоухания Хаджефендиса, что и в повествовании о его чудесах.

Из книги отца Иоакима Специериса «О Божественном Причащении»^[22]:

«Ещё одно событие произошло в неделю Торжества Православия в храме Воскресения в Иерусалиме. Служил патриарх Никодим в сослужении шести архиереев, двенадцати иеродиаконов и более чем сорока иереев, многие из которых прибыли паломниками с Востока, из России и других мест. Был и я в числе сослужащих. По совершении Великого входа и прочтении патриархом молитвы и благословении Святых Даров, лицо одного из сослуживших священников просияло, что меня весьма поразило. Священник был лет семидесяти. Я спросил у других священников: «Откуда этот батюшка?» — «Это паломник из Каппадокии», — ответили они. Когда Божественная литургия закончилась, я поинтересовался: «Он

приехал один или с ним есть ещё кто-нибудь?» — «С ним приехали ещё паломники», — сказали мне. «Пожалуйста, — попросил я одного иеродиакона, — позови сюда паломников, которые приехали вместе с ним». Он позвал, и пришли трое. Я спросил их: «Вы из тех мест, что и священник, который сегодня служил?» — «Да, — ответили они, — мы из одного села, это наш батюшка». — «И как он живёт? Он хороший батюшка?» — спросил я. «Это человек святой, — говорят они, — он творит чудеса, и если прочитает молитву над больным, тот выздоравливает. И не только мы одни почитаем его за святого, но и турки, потому что он и над ними творит чудеса и исцеляет больных...»

Земной ангел, человек Божий, отец Арсений жил по духовным законам. Хотя он жил в тайне сердца и избегал славы мира, но Благодать Божия его выдавала.

До сих пор мы говорили о жизни отца Арсения и его чудесах в Каппадокии. Но помысел говорит мне, что великие деяния святого отца только начинаются. Они начались с его блаженной кончины в Греции, после того как его многотрудные честные останки нашли некоторое отдохновение в благословенной земле священного острова Керкира.

Как я сказал, начиная с 1970 года, с того момента как произошло первое его явление, отец Арсений непрерывно чудотворит. Многие люди, призывавшие Святого с верой и упованием уже получили исцеление от многообразных болезней. Я не стану говорить здесь об этих чудесах. Пусть люди, получившие исцеление, если сочтут это необходимым, сами поведают о них во славу Божию и в знак своей благодарности к святому Арсению. Благодать Божия — это не резервуар, где вода может иссякнуть, а неисчерпаемый источник.

Я думаю, что теперь святой отец должен помогать людям больше, чем во времена своей земной жизни. Ведь теперь он находится рядом с Небесным Отцом и как Его чадо, по дерзновению приобретённому ранее, может в изобилии черпать благодать и быстро помогать страждущим людям, подавая исцеление от болезней.

Предшествующий великий подвиг его ради любви ко Христу, в соединении с великой любовью и смирением, принесли свой плод: теперь отец Арсений с ликованием парит на ангельских крыльях, радуясь тому, что ещё больше страждущих получают от него необходимую помощь и громче прославляется имя Божие.

Больше Хаджефендис не спешит, запыхавшись от одного больного к другому, чтобы помолиться и исцелить. Теперь он, как ангел, свободно парит, во мгновение ока переносясь из одного конца света в другой, и приходит ко всякому верующему, призывающему его благоговейно в своих молитвах.

Отец Арсений (Хаджефендис) проповедовал Православие истинно православным своим житием.

Он изнурял подвигом плоть, истаивая от пламенной любви к Богу, и изменял души людей Божественной благодатью.

Имея сильную веру, он исцелял многих людей, верующих и неверных.

Мало слов, но много чудес.

Он созерцал тайны Божии и хранил в себе большое богатство.

Под грубой оболочкой скрывал он сладкий духовный плод.

Строгий к себе, нежный и снисходительный к чадам своим, он не принуждал их законом, но, пробуждая ревность, вёл к пониманию сути закона.

Совершая служение Вышнему, он ступал не по земле, а по воздуху и, сослужа у престола вместе с другими, просиял лицом перед всеми.

Бог прославил его, прославлявшего непрестанно святой своей жизнью Бога, Которому подобает всякая слава во веки.

Аминь.

Как я сказал, неисчислимы чудеса, совершённые преподобным Арсением благодатью Христовой, а потому каждый раз, отправляясь в гости к фарасиотам, нужно брать с собой чистую тетрадь. Вот почему я рассказал только о главных его чудесах. Есть, однако, четыре чуда, которые не похожи на остальные. Я подумал, что хорошо было бы и о них рассказать для утешения и укрепления всех нас, живущих в такое беспокойное время^[23].

Впервые я узнал об этих чудесах от благочестивых женщин из Яницы, которые записали на кассету рассказ одной девяностолетней фарасиотки по имени Агафья и прислали мне. Позднее, в 1982 году, я сам съездил в Яницу в гости к этой Агафье. Разговор с ней позволил мне вспомнить многое из того, что я слышал ещё ребёнком. Я беседовал и с другими уважаемыми стариками фарасиотами, а потом записал эти четыре чуда.

* * *

Однажды отец Арсений вместе с другими фарасиотами пошёл в церковь Архангела Михаила служить литургию. Этот маленький храм находился далеко от села: примерно, в полутора часах ходьбы. Рядом были земельные участки фарасиотов, на которых они жили часто целое лето, вплоть до сбора урожая. После литургии отец Арсений взял святую воду и отправился кропить поля. Кто-то из прихожан пошёл вместе с ним, а кто-то остался сидеть возле церкви под деревом. На этом дереве было много разных лоскутков и тряпочек, даже больше чем листьев. Люди привязывали их, прося исцеления от болезней. Хаджефендис был далеко в Фарасах, а церковь Архангела Михаила часто стояла закрытая: храм был уединённый, и его закрывали, боясь осквернения от турок. Поэтому, если кто-то из людей, живя на участке, заболел, то шёл помолиться возле храма Архангела Михаила. Вытаскивая нитку или отрывая лоскуток от одежды, которая прикасалась к больному месту, страждущий привязывал это к дереву со словами: «Святой Архангел Михаил, возьми от меня болезнь. Ты святой и можешь помочь». И Архангел Михаил тут же исцелял болящего.

Между людьми, сидящими под сенью дерева, был один богатый фарасиот из Батуми, впервые за много лет приехавший в родное село. Многолетняя жизнь вдали от родины, к сожалению, отдалила его и от Бога, так что он стал глумиться над Христом и Церковью. Своими глупыми рассказами он осквернял чистые души своих простых земляков, называя их темнотой, а одного юношу даже подговорил срубить дерево. Юноша, не теряя времени, взялся за топор, но люди его остановили.

Между тем вернулся отец Арсений и очень опечалился, узнав о том, какой вред наносит душам верующих этот безбожник. Святой строго сказал ему: «Анастасий, ты пойдёшь туда, откуда пришёл», — и, отойдя в сторонку, стал молиться. Неожиданно налетел смерч и, закрутив Анастасия, поднял его в воздух. Анастасий исчез. Родственники волновались и горевали, но отец Арсений их успокоил: «Не волнуйтесь, Анастасий в добром здравии сидит в своём магазине».

С тех пор прошло много лет. От Анастасия не было никаких вестей — ему было стыдно писать на родину. Однажды, проезжая через Токат (город неподалёку от Севастии), двое фарасиотов случайно увидели на двери одного из магазинов табличку «Анастасий Вартопулос». Они изумились и сразу вспомнили слова Хаджефендиса.

Уже после этого случая племяннику Анастасия Вартопулоса Панайотису захотелось увидеть Фарасы, и он поехал вместе с земляками. К сожалению, под влиянием своего дяди он тоже был неверующим и причинял вред людям своими безбожными речами. Однажды, когда отец Арсений проходил по селу, все встали, чтобы взять у него благословение. Один Панайотис не только не поднялся за благословением, но начал и над другими надсмехаться, говоря, что эти люди бегают за священником, как старые бабки. Отец Арсений, посмотрев на Панайотиса с сожалением, отошёл и стал молиться, чтобы Бог сотворил благо с этим человеком и спас его душу.

Через некоторое время Панайотис упал и начал кататься по земле. Сначала люди не поняли, что случилось, думая, что он так передразнивает тех, кто делает земные поклоны. «Вставай, Панайотис, — говорили ему. — Что ты как маленький? Посмотри, весь испачкался». Но потом они поняли, что несчастного за дерзкое поведение оставила благодать Божия и в него вошёл бес, и тут же пошли к Хаджефендису и всё ему рассказали. А Хаджефендис сказал им:

— Принесите мне его одежду, и я помолюсь, а то он ещё бросится на вас. Однако знайте, что с этого момента Панайотис станет сумасшедшим, но вести себя будет смирно. Однажды он пойдёт пахать, останется ночевать

в поле, и там его убьют четы. Через это душа его спасётся.

Через несколько лет всё исполнилось именно так, как и предвозвестил Хаджефендис.

* * *

Одна фарасиотка впала в отчаяние после смерти мужа, с которым прожила после свадьбы всего несколько лет. Считая себя отчасти виноватой в смерти мужа, она не хотела видеть ни людей, ни родного села, жила в пещере и питалась травой. Прожив так три года, она, совершенно неизвестная, явилась к отцу Арсению и сказала:

— Хаджефендис, благослови. Ты всё можешь, верни мне моего Васиلاكиса.

На это отец Арсений ей ответил:

— Чадо моё, ты сильно страдаешь. Если хочешь, я благословлю тебя снова выйти замуж. А она сказала:

— Нет, я хочу увидеть моего Васиلاكиса. Разве ты не будешь переживать, если я покончу с собой?

Отец Арсений стал умолять её:

— Не делай этого, дитя моё, не отдавай души своей бесам.

Но она в возбуждении повторяла одно и то же. Тогда он успокоил её, велел возвратиться в пещеру, потому что там ей явится Васиلاكис, чтобы она могла с ним примириться. А сам он стал молиться со слезами.

Женщина пришла в пещеру, где ей в видении явился Васиلاكис. «Злодейка, — сказал он, — ты и сюда пришла? Но я знаю, что тебя послал Хаджефендис. Он имеет большое дерзновение к Богу».

Женщина в раскаянии стала просить у него прощения. Васиلاكис простил, и видение закончилось. С миром в душе несчастная женщина вернулась в деревню и проводила потом тихую жизнь в покаянии.

Поскольку по дьявольскому наущению эта женщина сама отчасти явилась причиной смерти своего мужа, лукавый и поверг её в отчаяние и едва не довёл до самоубийства. Однако Благый Бог не допустил её гибели и спас через Своего верного раба Арсения.

* * *

Как-то в день памяти святого Константина Хаджефендис собирался

служить всенощную в церкви этого святого. Весь день он проходил по селу от одного страждущего к другому, а потому в путь смог отправиться только, когда начало смеркаться. Вместе с ним пошли пять паломников: Продромос Корциноглу, Хаджи-Христос, Хаджи-Минае, Продромос Езнепидис и Христофоридис. Пока вышли за село, стемнело совсем, и идти стало трудно. Паломники забеспокоились.

— Что такое? — спросил отец Арсений.

— Благослови, Хаджефендис, — отвечали они, — мы ничего не видим.

— Вы что не видите светящийся Крест, который идёт перед нами? — спросил он.

— Нет, — отвечали паломники.

Они и вправду ничего не видели. Только один отец Арсений видел этот сияющий Крест, а потому сказал:

— Держитесь за мою руку.

Так, ухватившись за руку отца Арсения, все дошли до храма святого Константина, где отслужили всенощную, а потом Божественную литургию. После службы люди радостные вышли из храма и расселись на траве потрапезничать. После еды старики завели беседу, а молодые принялись танцевать и петь духовные песни. Однако неожиданно радость людей обернулась плачем, когда они увидели вдали отряд турецких липотактов (дезертиров), которые повсюду творили страшные грабежи и убийства. Они были хорошо вооружены, а жестокостью превосходили четов. Женщины с детьми стали рыдать и жаться ближе к Хаджефендису. Старцы посоветовали немногим бывшим там молодым мужчинам спрятаться где-нибудь и не стрелять, чтобы избежать кровопролития. Женщин и детей велено было спрятать. Остались одни старики. Отец Арсений пытался успокоить всех, и больших, и малых, так как все сильно волновались: «Не бойтесь, пусть они подойдут поближе, пусть подойдут поближе». Почувствовав в словах Хаджефендиса силу, фарасиоты успокоились.

Когда липотакты были совсем рядом, отец Арсений поднял руку и сказал: «Будьте прокляты от Бога и связаны мной». После этих слов разбойники замерли на месте. Тогда они стали каяться и просить отца Арсения: «Прости нас и благослови, признаем, что мы преступники; разреши нас, мы хотим подойти и взять у тебя благословение, впредь мы будем хорошими людьми». Тогда Хаджефендис разрешил их от уз и сказал: «Бросайте оружие, нам оно не нужно, и идите сюда». Разбойники, став друг за другом, складывали оружие. Потом все пали на колени перед отцом Арсением, со слезами прося прощения. Вместе с разбойниками от радости

и умиления плакали женщины и дети.

Молодые мужчины, которым так и не удалось помериться силой с турками, стояли нахмуренные. Особенно переживал Продромос Езнепидис. Не удержавшись, он схватил главаря шайки, самого бойкого, и стал его бить. Добрый Хаджефендис остановил его, говоря: «Аф этерим», что значит «я его прощаю и разрешаю». Жители собрали оружие, погрузили его на мулов и отвезли в Верёки (Святой Константин), где сдали турецким властям.

Эти липотакты и в самом деле изменились, некоторые из них даже тайно приняли христианство и во время обмена населением вместе с другими уехали в Грецию. А тот разбойник, которого бил Продромос Езнепидис, тоже стал христианином и из Сулеймана превратился в Елевферия^[24] и во время обмена населением тоже тайно уехал в Грецию и поселился в Янице. В 1982 году он был ещё жив. Ему было уже за девяносто лет, и местные жители звали его Турколевтерис.

* * *

Одна из жён мусульманина, жившего в Фарасах, сказала однажды матери госпожи Агафьи, передавшей мне эту историю, о том, что она желала бы креститься. Та сообщила об этом отцу Арсению, который велел ей тайно у себя в доме подготовить турчанку и быть крёстной матерью. После оглашения отец Арсений крестил мусульманку с именем Елевферия. Она тайно причастилась раза три или четыре и жила как и все остальные тайные христиане.

С момента крещения Елевферия, притворяясь больной, не осквернила святого Крещения общением со своим мужем-турком. Ей было тяжело жить среди неверных, потому Благой Бог и призвал её вскоре к Себе. Елевферия внезапно заболела и несколько дней лежала прикованная к постели. Она хотела причаститься, но не могла пойти к Хаджефендису. А он тем более не мог прийти к ней, но всё-таки без причастия он её не оставил. Взяв одно маленькое яблоко, он вложил в него Святой Хлеб и, позвав крёстную, велел ей пойти и аккуратно передать яблоко Елевферии. Крёстная с благоговением и радостью приняла яблоко, и, крестообразно сложив руки на груди, пошла. Новопросвещённая словно почувствовала пришествие Господа, лицо её просветилось, и она сказала: «Христос, душа моя». А ведь она не знала, что принесли ей! Крёстная подала яблоко Елевферии, и она причастилась.

После причастия Елевферия начала отходить ко Господу. Взволнованная крёстная побежала к отцу Арсению.

— Благослови, Хаджефендис. Елевферия умерла. Что же теперь? Тело её будут омыwać турчанки!

— Не волнуйся, — ответил ей отец Арсений.

Но женщина опять за своё:

— Что будет, Хаджефендис?

Отец Арсений ей сказал:

— Будем считать это простым купанием.

Однако крёстная продолжала волноваться: ведь для мусульман омовение покойника означает крещение. Они думают, что умершему таким образом прощаются все грехи, совершённые им в жизни. Это, конечно, серьёзное заблуждение.

Крёстная всё докучала отцу Арсению, и он вынужден был сказать ей: «Ведь я же сам её крестил! Неужели ты думаешь, что я позволю турчанкам омыwać её тело!» — и продолжал молиться о Елевферии. И вот что произошло. Всякий раз, когда какая-нибудь турчанка бралась омыwać тело почившей христианки, руки отказывались ей повиноваться. Так и пришлось туркам похоронить Елевферию без омовения на своём кладбище. Хаджефендис, совершив над ней заочное отпевание, продолжал молиться.

Тут случилось ещё и другое чудо. Елевферия начала по ночам являться в своём доме. Она переворачивала там всё вверх дном, в негодовании разбрасывала вещи и говорила: «Зачем вы меня мучаете в аду, на вашем кладбище? Быстрее возьмите меня отсюда и отведите домой, на христианское кладбище». Так продолжалось несколько дней подряд. Наконец терпение у турок кончилось, они пришли к отцу Арсению и сказали:

— Благослови, Хаджефендис. Все мы в доме сильно страдаем от умершей женщины. Помоги нам! Ты один знаешь, что нужно делать. Каждую ночь она нас мучит, переворачивая всё в доме вверх дном и требуя, чтобы мы похоронили её на вашем кладбище. Похоже, она любила вашу веру.

Отец Арсений отвечал так турку — мужу Елевферии:

— Чтоты меня спрашиваешь? Я грек, а ты турок: можешь делать, что хочешь.

Но турок ему говорит:

— Нет, Хаджефендис, я не хочу ничего делать без твоего благословения.

Тогда отец Арсений ему ответил:

— Хорошо, сделаем для тебя исключение и перезахороним её где-нибудь на нашем кладбище в дальнем углу.

Так и сделали. После этого Елевферия явилась радостная в доме турка и стала всех благодарить: «Тысячу лет живите! Теперь я в раю, посреди света и благодати Божией».

* * *

Вот как действовал Хаджефендис: наставляемый Божественной мудростью он укрощал ярость турок и заставлял их задумываться, показывая плоды правой веры Христовой и охраняя христиан от неверных в те тяжёлые времена.

Да будет его благословение с нами.

Аминь.

Да упокоит Милосердный Господь души всех верных, со благоговением хранивших предания Святых отцов Церкви, в чистоте своей памяти сохранивших воспоминание о житии и деяниях в Каппадокии святого Арсения и передавших память о нём потомкам своим. Живущим же ныне свидетелям, помогавшим по мере сил составлению сего жития, да подаст в изобилии теперь свою благодать святой Арсений.

Аминь.

ТРОПАРЬ, глас 3

Житие богоугодное добре скончав, сосуд честен Утешителя явился еси, богоносне Арсение, чудес благодать приим, всем подаеши скорое вспоможение, отче преподобне, Христу Богу молися даровати нам велию милость.

КОНДАК, глас 4

Каппадокии новосажденный цвет и добродетелей многочестный сосуд,
святаго Арсения воспоим, сей бо яко Ангел во плоти жительствовав,
сожитель бысть всем святым, с ними же предстоит всегда Христу даровати
нам согрешений прощение.

ВЕЛИЧАНИЕ

Радуйся, преподобных общине жительством и подвигом освященный, радуйся, монашествующих и иереев похвало, Каппадокии славо, отче Арсение.

*Новопостроенный храм святого Арсения
в монастыре Суроти*

КАРТА
части
Малой Азии
(Каппадокия –
область Фарасы)

notes

1

По новому стилю. — *Прим. пер.*

Согласно Лозаннскому договору 1923 года, греки Малой Азии должны были переселиться в Грецию, а турки, жившие в Греции, возвращались в Турцию. — *Прим. пер.*

Нетление тела не всегда является признаком святости. Данный случай — свидетельство несправедливой жизни. — *Прим. пер.*

Отец Старца Паисия. — *Прим. пер.*

Стасидии — кресла с высокими спинками и подлокотниками, и с откидными сидениями, используемые в монастырских храмах. — *Прим. пер.*

В Турции — уважительное обращение к человеку, совершившему паломничество в святые места. (От слов «хаджи» — паломник и «эфенди» — господин). — *Прим. пер.*

В течение ряда столетий греки и болгары имели взаимные территориальные претензии. В 1941-1944 гг. Греция находилась под оккупацией Германии и её союзников — Болгарии и Италии. Болгары заняли Восточную Македонию и Фракию и разорили там многое из того, что было за 20 лет создано греческими переселенцами из Малой Азии после греко-турецкой войны 1919-1922 гг. — *Прим. пер.*

Гѣрос (греч.) — старец. — *Прим. пер.*

В греческих монастырях принято давать паломникам так называемые «филакты» — треугольные кусочки материи с вышитым на них крестом, в которые зашивается текст молитвы или псалма. Для мусульман, объясняющих чудеса у христиан волшебством, эти ладанки воспринимались как амулеты или талисманы. — *Прим. пер.*

Смирна (тур. — Измир) — один из крупнейших портовых городов на западном побережье Малой Азии. В XIX веке там жило 200 тысяч греков; в городе были Духовная семинария и многие христианские культурные учреждения. — *Прим. пер.*

По-гречески буквально: «видели учителя при турецком полумесяце на ущербе», или «на тёмной стороне турецкой луны» — выражение, передающее также ощущение безысходности турецкого ига. — *Прим. пер.*

Османская империя препятствовала развитию системы образования среди своих подданных-греков. — *Прим. пер.*

После успешной русско-турецкой войны 1878-79 гг. Россия включила в мирный договор статьи о своём покровительстве православному греческому населению. — *Прим. пер.*

В Греческой Церкви право на совершение исповеди имеет только тот священник, который получает на это благословение епископа. — *Прим. пер.*

Просфоры в Греции пекут в виде большого круглого хлеба. Часто это делают сами прихожане и приносят в храм. Если просфор оказывается слишком много и не все они использованы для богослужения, то оставшиеся, по благословению священника, раздают бедным как хлеб. — *Прим. пер.*

Мф. 11, 21; Лк. 10,13.

Память священномученика Харалампия Магnezийского празднуется
10/23 февраля. — *Прим. пер.*

Песнопения утрени. — *Прим. пер.*

Саккос — часть православного архиерейского облачения. — *Прим. пер.*

В 1971 году, когда было написано житие святого Арсения. — *Прим. авт.*

Курды — дикое турецкое племя. — *Прим. авт.*

Книга издана Г. К. Родисом в Афинах в 1937 г. — *Прим. пер.*

Помещаемые ниже рассказы о четырёх чудесах святого Арсения были добавлены блаженным Старцем в 1987 году. — *Прим. пер.*

Елевферий в переводе с греческого значит свободный. — *Прим. пер.*